

Владимир Зуев

<http://vlzuev.com>

vlzurv@mail.ru

ВОСЕМЬ

Драма в двух действиях

Действующие лица

Елизавета Федоровна Романова, «Великая матушка» (54 года) — великая княгиня.

Сергей Михайлович Романов (49 лет) — великий князь.

Иоанн (32 года) — князь, сын великого князя Константина Константиновича Романова.

Константин (27 лет) — сын великого князя Константина Константиновича Романова.

Игорь (24 года) — князь, сын великого князя Константина Константиновича Романова.

Владимир Палей (21 года) — князь, сын великого князя Павла Александровича Романова.

Федор Семенович Ремез (40 лет) — секретарь великого князя Сергея Михайловича.

Варвара Алексеевна Яковлева, инокиня Варвара (65 лет) — келейница.

Соловьев Ефим (60 лет) — комиссар юстиции.

Павлов Семен (50 лет) — военный комиссар.

Семеныч (60 лет) — рабочий.

Василий (25 лет) — красноармеец.

Отец Василия (50 лет).

Копысов (45 лет).

Машенька Голошейкина (7-10 лет) — соседская девочка.

Каляев Иван Платонович — член боевой организации эсеров.

Мальчик — разносчик газет.

В пьесе используются отрывки из писем и дневников Елизаветы Федоровны Романовой, стихов Владимира Палея, Ивана Каляева.

Пролог

Железнодорожная станция. Раннее утро. Туман. У единственного вагона стоят восемь человек — две женщины и шестеро мужчин. На земле и в руках — чемоданы, узлы, коробки. Перед ними — вооруженные мужчины в кожаных куртках и кепках. Молчат, смотрят друг на друга. Вагон заскрежетал, двинулся, все вздрогнули.

ЕЛИЗАВЕТА ФЕДОРОВНА. *Какая-то маленькая станция. Совсем крохотная. Еще не рассвело. Нас просят взять свои вещи и выйти из вагона. Подгоняют, сыплют ругательствами. Выходим. Прохладно. Около вагона вооруженные люди, курят. Туман.*

Вязкий, бесцветный. Всё стерто, все грани. Внутри, снаружи. Только туман и люди. Царица Небесная, не остави нас...

СОЛОВЬЕВ ЕФИМ. *Вышли. Сгуртились. Высочества, мать их! Осанку держат, осматривают нас, как зверушек каких-то. На воробьев похожи от страха, а туда же. Даже неловко как-то. Вот они тут, у меня перед глазами, князя великие. Романовы. Мужики с виду обычные, хилые только. Бабы две, тоже ничего такого, тощие. Князя! Все, граждане князя, приехали. Станция конечная — алапаевские дачи.*

СЕРГЕЙ МИХАЙЛОВИЧ. *Алапаевские дачи! Коренастый, лицо перекошенное. Словно сейчас стрелять будет, чтобы злость свою усмирить. Наглый, в упор смотрит. Впрочем, не он один, они все сейчас так смотрят. Куртка и кепка кожаные, за поясом гранаты, с кобурой. А ты кто такой будешь?*

СОЛОВЬЕВ ЕФИМ. *Высокий, худой, седой совсем. Сергей Михайлович. Не понял еще, падла, что конец ему. Как на параде стоит, того и гляди сейчас по морде врежет, как в старые времена. Всё, баста! Теперь за всё посчитаемся. Я комиссар юстиции, гражданин Сергей Михайлович. Комиссар юстиции Ефим Соловьев. С этого дня вы поступаете в мое распоряжение. Еще есть вопросы?*

СЕРГЕЙ МИХАЙЛОВИЧ. *Комиссар!!! Юстиции!!!! У нас уже есть комиссар, с нами прибыл. Что тот, что этот — в кожаных куртках, с револьверами. Пролетариат! Отчего они все с перекошенными лицами?.. Кажется, что от какой-то натуги внутренней у них лица свело у всех.*

СОЛОВЬЕВ ЕФИМ. *Язвы, сука. Зубоскаль! Давай! Ты еще не понял, что всё? Нет? Я объясню! Да, ваши высочества, я представитель их величества Советской власти, комиссар юстиции Совдепа этого города.*

РЕМЕЗ. *Совдеп, что это? Только бы всё миром улеглось. Сергей Михайлович, голубчик, ну не в нашем же положении сейчас пререкаться с ними. Завезли дальше некуда. Теперь нам жизни не будет. Городишко заштатный, и власть тут своя, суровая власть, судя по вот этому... Те же большевики, но по лицу видно, что добра не видать от них.*

ВАРВАРА. *Не видно ничего вокруг из-за тумана. Города не видно. Алапаевск. Говорят, в честь разбойника Алапая город. Где-то петух прокричал. Хорошо как сразу стало, Господи. Вот еще один — первому вторит. Не одни мы тут. Царица Небесная, не остави нас.*

КОНСТАНТИН. *Господин комиссар, вы в каком звании?*

СОЛОВЬЕВ ЕФИМ. *Еще один... Константин Романов. Мы не в армии, гражданин бывший штабс-капитан... Товарищ комиссар...*

КОНСТАНТИН. *Я офицер, товарищ комиссар! Собогаволите ответить: вы где служили?*

СОЛОВЬЕВ ЕФИМ. *Я позже тебе расскажу, во всех подробностях. Не будем разводить болтовню: не время и не место сейчас.*

ИОАНН. *Ну, точно дезертир... Можно в любого из них пальцем ткнуть, и не ошибешься — в дезертира попадешь.*

ЕЛИЗАВЕТА ФЕДОРОВНА. *Уже бы уйти со станции этой, от этого тумана. Хочется уже определенности. Остаться в одиночестве хочется, в покое...*

ИГОРЬ. *Господи, зачем? Зачем мы здесь? Зачем эти люди с оружием так зло смотрят на нас? Зачем туман этот, Господи? Ничего не видно вокруг, совсем ничего...*

СЕРГЕЙ МИХАЙЛОВИЧ. *Ну, товарищ комиссар юстиции, где же вы нас разместите в дыре этой? Я был здесь еще младшим артиллерийским офицером. Одно ясно, что чем дальше от Екатеринбурга, тем меньше надежды, что все мирно уладится.*

СОЛОВЬЕВ ЕФИМ. *Восемь безоружных человек на маленькой станции, на которой я начальник. Тут я сила. Что ты так смотришь на меня, сука? А мы тут всю жизнь, на заводах, товарищ князь, в дыре этой...*

СЕРГЕЙ МИХАЙЛОВИЧ. А где вы для меня найдете кровать здесь? Вы же должны понимать, что для моего роста в продаже кроватей нет. Я свою в Санкт-Петербурге на заводе заказывал. Вы не бывали в Санкт-Петербурге?

СОЛОВЬЕВ ЕФИМ. *Кровати уже готовы, господа товарищи.* Разместим со всеми удобствами, как на даче. Не извольте беспокоиться, товарищ князь.

ВАРВАРА. *Скорее бы уйти отсюда. Чего они смотрят так?..*

СЕРГЕЙ МИХАЙЛОВИЧ. *Молчит пролетариат.* Ладно, едем уже. Мне не терпится на новую кровать взглянуть.

СОЛОВЬЕВ ЕФИМ. *Язви, тварь. Я за всё спрошу.* Тащите свои вещи к повозкам. Конвой!

Мужчины в кожаных куртках выпрямились, с плеча сняли винтовки, зарядили их.

Приехавшие берут свои вещи — узлы, чемоданы, коробки. Что-то падает, рассыпается.

Люди спешно собирают вещи. Уходят в туман. Следом идет конвой.

ЕЛИЗАВЕТА ФЕДОРОВНА. *Туман уходит. Спаси и сохрани! Какой-то человек сидит на земле. Раскачивается из стороны в сторону, говорит чего-то себе самому. Храни тебя Господь!*

ЧЕЛОВЕК. Восемь приехали. Я дважды пересчитал: ровно восемь. А я не виноват, что сыночки нету больше. Нет, не виноват я совсем. Ночью складывал, и доски ходят. Вот и вышло так. Прости! *(Пауза.)* Зачем ты так со мной? Почто? Что кирпичи от церкви твоей забрал? Я не для себя. Чтобы мои не мерзли. Печка совсем худая. Почто ты так со мной, с рабом твоим Колькой? Я и не сделал ничего. Привез только. Теперь зачем он мне? Я и выбросил его. Ты сына забрал — я выбросил. Скажешь, виноват я... Скажи, ну! Вот, молчишь... И жена молчит. А я говорю. Самогону напился сызна — и говорю. Прости. Вот, сынок, к нам восемь важных человек привезли. Я сосчитал: восемь ровно. *(Пауза.)* Вот ответь, а с кем мне быть? Я же заводской, а у нас все там большевики. Просто много нас оказалось, вот и большевики. И не раб я! Мы не рабы! Вот и пошел. А как мне? А ты сына забрал... Вот и пью я теперь, чтобы не так больно... Я его собрал потом, кирпич этот, слышишь? Я его собрал и к церкви свез, он у склепа в кустах лежит. Ты проверь: я всё вернул. Мне не надо ничего твоего, слышишь? *(Пауза.)* А эти восемь — не наши... Не местные... С охраной. Не видели меня, я спрятался тут, и нету меня. Ты если уже забрал его, так держи подле себя, он смысленый. *(Пауза.)* Вот и молчи, а я пить буду... Выпью, и слезы потекут. А ты не смотри, не вздумай даже. Пусть меня не видно будет... Вот и этих восьмерых увозят уже, и туман еще не разошелся. Тут и буду сидеть... Рассветет — в лес пойду. Я уже себе припас там и выпить, и заесть чего. Сделаюсь пьяным, и не страшно мне станет удавиться. *(Пауза.)* Я пересчитал дважды: ровно восемь. Чего им тут? А я узнал тебя, Ефимка. Хоть ты кепку на глаза надвинул, а я узнал. Увидел морду твою скотскую. Ты, сука, меня подбил пристрой разбирать. Видишь, как вышло, Ефимка... Ты не переживай, револьверы и винтовки твои не спасут. Сдохнешь! Ты виноват, что сына моего нету... *(Пауза.)* Не годится так... Чего мне теперь? Ради чего мне? Кого ради теперь? Кто я теперь? Зачем? *(Пауза.)* Тишина какая страшная, слышишь? Жутко как... Это во мне, во мне молчит теперь всё. Умерло всё, передохло... Пусто... Ничего не откликнется, не отзовется... Я это... Я виноват во всем... Один я... Прости меня...

Первое действие

Сцена 1

Темнота.

ПЕРВЫЙ МУЖЧИНА. Заткнутся они сегодня уже, нет? Скулят и скулят. *(Молчание.)* Спишь? Может, пойти шугнуть их? А, Семеныч? Может, уймутся тогда. Взять и обыск у них провести. Мне Семен рассказывал, что они вчера три раза за ночь их подымали. Он даже у них прихватил себе...

ВТОРОЙ МУЖЧИНА. Спи...

ПЕРВЫЙ МУЖЧИНА. А сам чё?

ВТОРОЙ МУЖЧИНА. Ты громче их блажишь, спать не даешь. Они по делу там... А ты брешешь попусту. Отстань уже от людей, спи, Васька...

ПЕРВЫЙ МУЖЧИНА. Не понял... Ты их защищаешь сейчас, нет? Скажи «нет», и я отстану. А, Семеныч? *(Молчание.)* Чего ты их защищаешь? Ты при них жил хорошо? Батьку моего в шахте завалило... А теперь вот они тут, клопы. Тут все... Я их когда сегодня увидел, оторопел сначала. Романовы, кровь царская. А мне неважно сейчас, какая кровь у них. Ну, чё?

Зажигается керосиновая лампа. Видно коридор и ряд дверей. С другой стороны окна заколочены досками. Вдоль окон — две лавки и табурет. Мужчины щурятся на свет. Один — молодой, пацан совсем — сидит на скамье перед табуретом, на котором стоит лампа. Одет в линялую военную форму. Винтовка лежит на коленях. Второй, мужчина в годах, лежит на лавке. Одет в штатское. Винтовка лежит на полу рядом со скамьей.

СЕМЕНЫЧ. Спи. Сопляк еще, а идейный уже... Много ты на них работал-то? Ну? Вот и молчи! Ты даже на фронт не пошел! Дезертир ты... Так и есть: дезертир! Так что помалкивай. Не твоего ума дело это, без тебя разберутся, что и зачем. Твое дело маленькое: сиди и жди, когда сменят тебя.

Комната. В ней две кровати. Стол. На нем цветы. Горит свеча. На кровати лежит Елизавета Федоровна. Около кровати стул. На нем сидит Варвара, читает.

ВАРВАРА. Господи, благослови. Да утешит и укрепит вас всех Воскресение Христово. В 6 часов проехала Троице-Сергиеву, вечером — Ростов... Да сохранит нас всех с вами, мои дорогие, преподобный Сергей, святитель Дмитрий и святая Евфросиния Полоцкая. Мы очень хорошо едем. Везде снег...

ВАСЬКА. Нет, без меня уже не разберутся, Семеныч. Тута я, и я разбираться с ними буду. Все будем, народ весь... А злости у нас столько, что мало не будет им... Не злость даже — злоба, слышишь! Что, не прав я? *(Пауза.)* Можешь не отвечать, я про тебя уже понял

все... (Молчание.) Слышь, а мне вот на царя теперь посмотреть хочется. Вот какой он? Чем он от меня, от тебя вот, от батьки моего отличается?.. Чё это он помазанник? Почему не я? Вот отрекся он, испужался! Я бы не отрекся... У нас в народе тоже Романовы свои найдутся.

СЕМЕНЫЧ. Язык что помело... Как на митинге, угомонись уже.

ВАСЬКА. Семеныч, а ты в Бога веришь? Молчишь...

СЕМЕНЫЧ. Васька, дай спать. Одолел, зла на тебя нет. Тараторишь без умолку. Ты Кольку Копысова знаешь?

ВАСЬКА. Ну...

СЕМЕНЫЧ. Он пристрой церковный помогал на кирпич разбирать, понадобился кирпич новой власти куда-то...

ВАСЬКА. Ну, помню, весной ранней было. И чё?

СЕМЕНЫЧ. Не чекай. Он ночью навозил себе кирпича домой, печь думал перекладывать. Ну, и во дворе сложил. А на следующий день его мальчика этим кирпичом задавило насмерть. Вот и думай теперь.

ВАСЬКА. Чего думать-то?

СЕМЕНЫЧ. Чего надо, то и думай!

ВАСЬКА. Сказки это всё... Вышло так... Скажешь, не бывает?

СЕМЕНЫЧ. Сам думай. Я тебе всё сказал.

ВАРВАРА. Нам даны очень милые Ангелы-хранители. Мало спали, потому что думы, думы ползут. Спасибо за провизию. По дороге достанем еще. Стараюсь читать преподобного Сергия. У меня с собой Библия. Будем читать, молиться и надеяться. Ради Бога, не падайте духом. Божия Матерь знает, отчего Ее Небесный Сын послал нам это испытание в день Ее праздника.

ВАСЬКА. А ты бы чё сделал, если бы нам царя привезли? А нас охранять поставили... А я вот знаю. Я бы его поставил к стене, в одном исподнем. Сел бы напротив. Курил бы долго, молчал, смотрел бы на него. Потом бы наган заряжал долго, чтоб он понял, что всё, амба. Потом сплюнул бы смачно ему под ноги, курок взвел и шлепнул, не раздумывая.

СЕМЕНЫЧ. Спал бы хорошо потом, а, Васька? (Пауза.) Ты в людей стрелял? Не важно, царь он или простой... Стрелял? Чего же ты, скотина, треплешься?! Дезертир, а туда же: царя бы ему шлепнуть! Я тебе вот что скажу: ты молчи лучше. За такие разговоры тебя твои же могут...

Молчание. Слышны звуки молитвы.

ВАРВАРА и ЕЛИЗАВЕТА ФЕДОРОВНА. Державная Владычице Пресвятая Богородице, на объятиих Своих держащая содержащего всю вселенную Царя Небесного! Благодарим Тя за неизреченное милосердие Твое, яко благоволила еси явити нам, грешным и недостойным, сию святую и чудотворную икону Твою во дни сии лукавья и лютыя, яко вихрь, яко буря ветреняя, нашедшая на страну нашу, во дни уничижения нашего и укорения, во дни разорения и поругания святынь наших от людей безумных, иже не точию в сердце, но и устами дерзостно глаголют: несть Бог; и в делех сие безбожие показывают.

ВАСЬКА. Семеныч, вот скажи по совести: ты чего вызвался охранять их? Я вот по убеждениям вроде. По мне вот, чтобы не было их на земле вовсе. Всех прикончить, и хорошо тогда будет. А ты вот на кой тут? Про церковь мне рассказываешь... Мол, не трогай их... Чё пошел-то?

ВАРВАРА и ЕЛИЗАВЕТА ФЕДОРОВНА. Благодарим Тя, Заступнице, яко призрела еси с высоты святыя Своя на скорби наша и горе чад православных, и яко солнце светлое, увеселявши изнемогшия от печали очеса наша пресладостным зрением Державнаго образа Твоего, О преблагословенная Мати Божия, Державная Помощнице, крепкая Заступнице! Благодаряще Тя со страхом и трепетом, яко раби непотребнии, припадаем Ти со умилением, с сокрушением сердечным и со слезами, и молим Тя, и стеньяще вопием Ти: спаси нас, спаси! Помози нам, помози! Потщися: погибаем! Се живот наш аду приближися; се обышедше обыдоша нас греси мнози, беды мнози, врази мнози.

СЕМЕНЬЧ. Отстань, Васька. Дай послушать!

ВАСЬКА. Чё?

СЕМЕНЬЧ. Заткнись, говорю!

ВАРВАРА и ЕЛИЗАВЕТА ФЕДОРОВНА. О Небесная Царице! Скипетром власти Твоя Божественныя разсей, яко прах, яко дым, нечестивыя козни врагов наших видимых и невидимых, сокруши велеречивыя помышления их и запрети им, и яко Мати всех, на путь правый и богоугодный настави их. Вкорени в сердца всех нас правду, мир и радость о Дусе Святе; водвори в стране нашей тишину, благоденствие, безмятежие, любовь друг к другу нелицемерную. Державою Твоею всесильною удержи, Пречистая, потоки беззакония, хотящие потопити землю Русскую в страшной пучине своей. Поддержи нас, слабых, малодушных, немощных и унылых, укрепи, возстави и спаси: яко под державою Твоею всегда храними, поем и величаем Пречестное и Великолепое имя Твое, ныне и присно и во веки веков. Аминь.

ВАСЬКА. Чё пошел-то сюда? Из-за этих? Ну?

СЕМЕНЬЧ. Жена у меня болеет, давно уже...

ВАСЬКА. А они-то чё?

СЕМЕНЬЧ. Спи уже. Не поймешь ты. Гаси лампу, спать нужно...

Парень гасит лампу. Темнота. Слышно, как вдалеке лают собаки.

Васька сидит в крохотной комнате около стола. На лице кровоподтеки, форма порвана. Напротив него сидит мужчина в форме офицера царской армии, курит — это отец Василия. На столе папки и фотографии.

ОТЕЦ. Назовите вашу фамилию, имя и отчество. *(Пауза.)* Я жду, молодой человек. Давайте не будем попусту тратить мое и ваше время.

ВАСИЛИЙ. Батя?

ОТЕЦ. Я прошу вас назвать свою фамилию, имя и отчество...

ВАСИЛИЙ. Папка, а ты как здесь? Почему тут? Ты не узнал меня, батя?

ОТЕЦ. Что за фамильярность? Прекратите паясничать, молодой человек!

ВАСИЛИЙ. Ильиных Василий. Отца Прохором звали. *(Пауза.)* Папка, это ты?

ОТЕЦ. Я попрошу вас обращаться ко мне на «вы». Итак, Василий Прохорович, вы большевик?

ВАСИЛИЙ. Ну да... Вроде большевик я...

ОТЕЦ. Если я правильно вас понял, вы не до конца уверены в своей политической принадлежности?

ВАСИЛИЙ. Ну да... Вроде так получается... Папка, а ты за белых, да? Я хотел «вы» сказать... За белых? Ты меня совсем не узнаешь? Это во сне, да? Понарошку?

ОТЕЦ. Вы хотели расстрелять, или, как вы выражались, «шлепнуть», императора Российской империи — Николая Александровича Романова. Так?

ВАСИЛИЙ. Говорить — говорил, да... Но я не хотел... Я же не убивал никого... Болтал только... Я же так, между делом, не всерьез я... Батя, это же я, Василий...

ОТЕЦ. Следствие разберется... Вы не бойтесь, рассказывайте как есть. Курите? Курите...
(Протягивает сыну портсигар.)

Василий берет папиросу. Нюхает ее, мнет в руках, улыбается.

ОТЕЦ. Расскажите подробно, как вы хотели произвести убийство царя.

ВАСИЛИЙ. Да я же болтал просто... (Пауза.) Ну, в исподнем его к стене поставить хотел...

ОТЕЦ. Почему в исподнем?

ВАСИЛИЙ. Я не помню, почему так придумал... Может, страшно мне было на его мундир глядеть. В исподнем не страшно. Так вроде думал...

ОТЕЦ. Страшно не было?

ВАСИЛИЙ. Да я и не думал ничё такого. Говорю, болтал просто...

ОТЕЦ. А плюнуть под ноги перед тем, как выстрелить, для чего? Чтобы унижить?

ВАСИЛИЙ. Вроде так... Но не это я думал...

ОТЕЦ (взял бумагу, читает). «Я бы его поставил к стене, в одном исподнем. Сел бы напротив. Курил бы долго, молчал, смотрел бы на него. Потом бы наган заряжал долго, чтоб он понял, что всё, амба. Потом сплюнул бы смачно ему под ноги, курок у нагана взвел и шлепнул, не раздумывая». (Пауза.) Как прикажете понимать слова ваши? Это ваши слова?

ВАСИЛИЙ. Простите меня, а... Я вроде не в себе был... Случилось в голове, и вот...

ОТЕЦ. Если я вас сейчас правильно понял, вы раскаиваетесь в своих словах?

ВАСИЛИЙ. Да вроде и не я тогда говорил это... Во мне другой кто-то говорил. Я же не стрелял даже никогда... Я и в армии не был. Батя, ну чего ты? Я же дезертир, точно! А то, что с винтовкой сидел в карауле, так выдали мне, чтобы стрелять, если что... Но не стрелял я, ей-богу! Не стрелял... Клянусь вам! Что теперь?

ОТЕЦ (пишет, проговаривает слова). «Не стрелял... Клянусь вам...» (Пауза.) Что теперь? А вот то, что ты с царем хотел сделать... Разденем тебя до исподнего, к стенке поставим...

ВАСИЛИЙ. Расстреляете меня, батя?

ОТЕЦ. Нет, просто шлепнем. Без классовой ненависти и прочей ерунды. Просто так... У тебя же нет классовой ненависти к царю? Ты же вроде и не большевик... Да, сынок? Ну, чего молчим? Есть ненависть или нет? Большевик?

ВАСИЛИЙ. Сынок? Вы запутали меня совсем... Не большевик я... Нету у меня ненависти...

ОТЕЦ (*пишет*). Вот это другой разговор. «Нету у меня ненависти...» А что есть? Да вы в Бога веруете?

В комнату входит девочка лет десяти. Одета в праздничный сарафан. В руках букет полевых цветов. Долго смотрит на Василия.

ОТЕЦ. Чего тебе, милая?

ВАСИЛИЙ. Здравствуй, Маша. Ты не узнала меня? Я Васька, в школе был, охранял, когда ты приходила. Помнишь?

Девочка подошла к отцу Василия, поманила его рукой, что-то шепчет ему на ухо, тот кивает. Девочка кивает в ответ головой, показывает Василию язык, уходит.

ВАСИЛИЙ. Это же Машка Голощекина. Я же ее пускал всегда... Она шанежки князьям носила. Мамка напечет, а она носила... Не узнала меня. А я пускал ее, честно... И ты меня не узнаешь, папка...

ОТЕЦ. Прекратите... Ее не Машей зовут. Это другая девочка, ошиблись вы. Она попросила вас вернуть краски, которые вы забрали из комнаты великой княгини.

ВАСИЛИЙ. Краски? Да их и нет у меня вовсе. Я взял сначала, все брали. А потом понял, что они мне не сгодятся, и выбросил. Все же брали...

ОТЕЦ. Вы в Бога веруете?

ВАСИЛИЙ. Я крещеный, да...

ОТЕЦ. Я знаю... Веруете или нет?

ВАСИЛИЙ. Вроде верую...

ОТЕЦ. «Вроде не большевик»... «Вроде не идейный»... «Вроде верую»... Как вы живете так? (*Пауза.*) Всё, допрос окончен, сын. Поднимайся, пойдем...

ВАСИЛИЙ (*кричит*). За что, батя?! Я только говорил, я не делал ничего... Папка...

Темнота. Слышно, как вдалеке лают собаки.

Василий вскакивает на лавке, роняет винтовку на пол.

СЕРГЕЙ МИХАЙЛОВИЧ. Аккуратней нужно с оружием, молодой человек...

ВАСИЛИЙ. Вы чего тут?.. Идите к себе...

СЕРГЕЙ МИХАЙЛОВИЧ. А то что? Вы кричали во сне — я вышел. Я покурю здесь. Вы, надеюсь, не против? Хотите папиросу?

ВАСИЛИЙ. Что случилось? Идите в комнату...

СЕРГЕЙ МИХАЙЛОВИЧ. Вы хотите, чтобы я курил в комнате? Окна открывать запрещено. Если курить там, то запах не выветрится вовсе.

ВАСИЛИЙ. Почему вы вышли? Ночью запрещено...

СЕРГЕЙ МИХАЙЛОВИЧ. Утро уже... Еще раз повторю, что я вышел, так как вы кричали. Вас кошмары мучают?

ВАСИЛИЙ. Не ваше дело...

СЕРГЕЙ МИХАЙЛОВИЧ. Согласен, но я ничего дурного не сделал вам, не злитесь. Как ваше имя?

ВАСИЛИЙ. Зачем вам?

СЕРГЕЙ МИХАЙЛОВИЧ. Не нужно относиться с таким пренебрежением ко мне... По вам не скажешь, что вы большевик. Вы не идейный. Я правильно понял?

ВАСИЛИЙ. Вроде так... Меня Василием зовут...

СЕРГЕЙ МИХАЙЛОВИЧ. Будем знакомы — Сергей Михайлович Романов. Если вам претит мое социальное положение, можно просто по имени-отчеству. Хотите курить?

ВАСИЛИЙ. А вы не скажете комиссару, что мы беседовали?

СЕРГЕЙ МИХАЙЛОВИЧ (*протягивает портсигар*). Курите. Не переживайте, я умею молчать. Если бы я рассказывал всё, что знаю и знал, вряд ли бы я дожил до своих лет. Вы о чем-то хотите спросить меня? Спрашивайте... (*Пауза.*) Ну же...

ВАСИЛИЙ. Надеетесь, что власть ваша вернется?

СЕРГЕЙ МИХАЙЛОВИЧ. А вы, верно, полагаете, что сейчас ваша власть?

ВАСИЛИЙ. Ну, не ваша, ясно дело...

СЕРГЕЙ МИХАЙЛОВИЧ. Она и не была нашей. Только поймите меня правильно. Я думаю и говорю так вовсе не оттого, что сила сейчас на стороне большевиков... Дело тут в другом... Мы не можем предположить, какие последствия вызовут действия наши...

ВАСИЛИЙ. А я вот чую теперь нашу силу. Нашу, народную... Огромная она! Не зря мы, большевики, большевиками зовемся! Больше нас!

СЕРГЕЙ МИХАЙЛОВИЧ. И не тяжело вам?

ВАСИЛИЙ. Не понял сейчас...

СЕРГЕЙ МИХАЙЛОВИЧ. Не давит груз власти, нет? Смотрите, как бы не придавило однажды...

ВАСИЛИЙ. Нас много, всех не передавите!

СЕРГЕЙ МИХАЙЛОВИЧ. Я не про это, молодой человек. (*Пауза.*) Не слушайте, это так — мысли вслух. Сейчас четыре утра. Ложитесь. Можно поспать еще. (*Уходит.*)

Василий трогает винтовку. Взял в руки, прижал к себе. Смотрит в пустоту.

ВАСИЛИЙ. Семеныч, спишь? (*Пауза.*) Мне сначала батя приснился, потом Сергей Михайлович поговорить вышел. Слышишь, Семеныч? А ты проспал всё! А этот тут заискивал передо мной. Имя спросил, папироску предлагал. Я взял. Курить не курю, а пахнет приятно. И не страшно совсем, хоть и князь. Во сне вот страшно было... Батя родной не узнает. Как такое быть может? Еще и в форму белогвардейскую оделся. И на «вы» говорит... И без ругани, трезвый. Лицо не злое, не как раньше. Бывало,

выпьет в выходной, после недели на руднике, побагровеет весь, глаза мутные — не подходит. А потом свалится, уснет, стонет и зубами скрипит. А во сне другой совсем, не злой. *(Пауза.)* И Романов этот не злой. Смотрит только больно серьезно, как испытывает тебя... Мамке и малым расскажу, не поверят мне... А вот так вот — было это, и папироска... *(Нюхает папироску.)* Не надо стрелять их. Судом народным судить, разжаловать — и пусть живут. Другим, поди, тоже на князей и княгинь великих захочется посмотреть. И чего, пусть смотрят... Такие же люди вроде, только буржуазия и культурные шибко...

Закричал петух, ему вторит другой. Глухой собачий лай. Темнота.

Сцена 2

Тюремная камера. Тусклый свет. На лежаке сидит молодой мужчина — это Каляев. Напротив него на табурете сидит женщина — это Елизавета Федоровна, в руках сверток. Долгое молчание.

ЕЛИЗАВЕТА ФЕДОРОВНА. Вы знаете, кто я? *(Мужчина отрицательно мотает головой.)* Я вдова Сергея Александровича...

КАЛЯЕВ. Зачем вы здесь? Я не желаю кого-либо видеть. Уходите.

ЕЛИЗАВЕТА ФЕДОРОВНА. Господи, как здесь холодно... Я вдова великого князя Романова Сергея Александровича...

КАЛЯЕВ. Сейчас везде холодно... Но это только начало, скоро будет всеобщая стужа... *(Пауза.)* Поймите, лично вам я совершенно не желаю зла и никогда не желал. Что вам от меня нужно?

ЕЛИЗАВЕТА ФЕДОРОВНА. Очень жалко, что вы к нам не пришли и что мы не знали вас раньше... Вы, верно, думаете, что мы не хотим добра народу? Я написала прошение императору о вашем помиловании...

КАЛЯЕВ. *Мы смотрели друг на друга, не скрою, с некоторым мистическим чувством, как двое смертных, которые остались в живых. Я — случайно, она — по воле организации, по моей воле...* Он ответил вам?

ЕЛИЗАВЕТА ФЕДОРОВНА. *Господи, он нездоров, этот юноша. Он испуган и безумен...* Если вы напишете прошение о помиловании...

КАЛЯЕВ. Нет... Нет... Что вы говорите? Я не сделаю этого, уходите.

ЕЛИЗАВЕТА ФЕДОРОВНА. Скажите мне только одно... Зачем? Вы, должно быть, много страдали, если решились на такое...

КАЛЯЕВ. *Почему со мной говорят только после того, как я совершил убийство? У нас нет иных средств бороться с жестокостью правительства. Я хотел, чтобы зла на земле стало меньше... Я не бросил бомбу, когда в карете с великим князем были вы и дети... Да, я страдал, но мои страдания слились со страданиями миллионов. Если бы я пришел к великому князю и указал на его действия, вредные народу, что было бы? Я скажу вам — сумасшедший дом или тюрьма! Что сделали с рабочими 9 января, когда они шли к царю...*

ЕЛИЗАВЕТА ФЕДОРОВНА. Вы понимаете, что вместе с ним вы убили меня?

КАЛЯЕВ. Мне очень больно, что я причинил вам горе. Повторяю, я исполнил свой долг, и исполню его до конца, и вынесу всё, что мне предстоит. Прощайте, потому что мы с вами больше не увидимся.

ЕЛИЗАВЕТА ФЕДОРОВНА. Вы веруете? Прошу вас: возьмите от меня на память иконку.

КАЛЯЕВ. *Я взял иконку. Глядя на великую княгиню, я не мог не видеть на ее лице благодарности если не мне, то, во всяком случае, судьбе за то, что она не погибла. Это было для меня символом признания с ее стороны моей победы, символом ее благодарности судьбе за сохранение ее жизни и покаяния ее совести за преступления великого князя. Моя совесть чиста.* Мне очень больно, что я причинил вам горе. Но я осознавал свои действия, и, если бы у меня была тысяча жизней, я отдал бы всю тысячу, не одну. *Прощайте. Я готов к смерти; я не нуждаюсь в ваших таинствах и молитвах. Я верю в существование Святого Духа, Он всегда со мной, и я умру, сопровождаемый Им.*

Елизавета Федоровна разворачивает икону, передает мужчине.

ЕЛИЗАВЕТА ФЕДОРОВНА. Я буду молиться за вас. *(Уходит.)*

Каляев берет бумагу, пишет. Взял икону, целует. Пишет, проговаривает вслух.

КАЛЯЕВ. Я бросал на расстоянии четырех шагов, не более, с разбега, в упор. Я был захвачен вихрем взрыва, видел, как разрывалась карета...

Улица. Мальчик продает газеты. Идут люди, все с газетами. Мальчик размахивает газетой, кричит.

МАЛЬЧИК. Свежая газета! Покупайте исповедь убийцы! Исповедь убийцы... Покупайте!..

СОЛОВЬЕВ. Это того, который ее мужа взорвал?

МАЛЬЧИК. Покупайте, господин! Он самый!

СОЛОВЬЕВ. Я товарищ комиссар юстиции! Понял, сопляк?! Давай газету...

МАЛЬЧИК. Дай папироску, товарищ, а я газетку тебе...

Соловьев вырвал газету, читает вслух.

СОЛОВЬЕВ. «7 февраля 1905 года по инициативе бомбиста Каляева состоялась встреча вдовы великого князя Елизаветы Фёдоровны с убийцей ее мужа»

МАЛЬЧИК. Свежая газета! Покупайте исповедь убийцы!

КАЛЯЕВ. Это ложь... Не читайте! Мальчик, отдай мне газеты...

Елизавета Федоровна идет по улице, навстречу бежит мальчик.

МАЛЬЧИК. Тут исповедь убийцы вашего мужа! Вдове бесплатно...

ЕЛИЗАВЕТА ФЕДОРОВНА (*берет газету, читает*). «Да, он звал меня, и я пришла к нему. Он хотел покаяться в содеянном перед той, чьего мужа бессмысленно и жестоко убил».

МАЛЬЧИК. Кому исповедь убийцы?! Недорого!

ЕЛИЗАВЕТА ФЕДОРОВНА. Мальчик... Мальчик, иди сюда, я куплю у тебя всё... Он, должно быть, много страдал, если решился на такое. Я беру всё...

МАЛЬЧИК. Недорого! Налетай на исповедь!

Елизавета Федоровна берет у мальчика газеты, отдает деньги.

КАЛЯЕВ. Я доверился вашему благородству, полагая, что ваше официальное высокое положение, ваше личное достоинство могут служить гарантией, достаточной против клеветнической интриги, в которую так или иначе были замешаны и вы. Но вы не побоялись оказаться замешанной в нее — мое доверие к вам не оправдалось.

Мужчина ходит по камере. Взял икону в руки, приложил к груди. Сел, пишет.

СОЛОВЬЕВ. «Выявить сообщников террориста не удалось. Ведется следствие».

ЕЛИЗАВЕТА ФЕДОРОВНА. «Террорист подал прошение императору Николаю II о помиловании».

Пауза.

КАЛЯЕВ. Я вполне сознаю свою ошибку: мне следовало не вступать в разговор и отнестись к вам безучастно. Мое отношение к царствующему дому и мои убеждения остаются неизменными, и я ничего общего не имею какой-либо стороной моего «я» с религиозным суеверием рабов.

Мальчик считает деньги.

СОЛОВЬЕВ. Член «Боевой партии эсеров, бомбист Каляев назвал своих сообщников».

КАЛЯЕВ. Прекратите! Замолчите сейчас же!

ЕЛИЗАВЕТА ФЕДОРОВНА. «Террорист принял икону от вдовы великого князя. Он раскаивается и ждет милости государя...»

КАЛЯЕВ. Замолчите! Я не объявлял себя верующим, я не выражал какого-либо раскаяния... Я — не подсудимый перед вами, я — ваш пленник. Мы — две воюющие стороны. Вы — представители императорского правительства, наемные слуги капитала и насилия. Я — один из народных мстителей, социалист и революционер.

Бежит по улице мальчик, в руках газеты. Кричит.

МАЛЬЧИК. Стихи убийцы князя! Покупайте стихи убийцы!

Христос, Христос! Слепит нас жизни мгла.

Ты нам открыл всё небо, ночь рассеяв,

Но храм опять во власти фарисеев.

Мессии нет — Иудам нет числа...

КАЛЯЕВ.

Мы жить хотим! Над нами ночь висит.

О, неужель вновь нужно искупленье,

И только крест нам возвестит спасенье?

Христос, Христос!.. Но всё кругом молчит.

Откинулся на лежак, прижал икону к груди. Слышно, как он стонет.

ЕЛИЗАВЕТА ФЕДОРОВНА. Я простила вас... Я буду молиться за вас...

КАЛЯЕВ.

Христос, Христос! Но всё кругом молчит.

Темнота.

Сцена 3

Комната. Стол под лампой без абажура, вокруг стола стулья. За столом сидит Соловьев, курит. Входит Павлов.

ПАВЛОВ. Чего за спешка, Ефим?

СОЛОВЬЕВ. Садись. Покури.

Павлов садится.

СОЛОВЬЕВ. Это чего это получается, Семен, мы теперь за каждым чихом будем телеграфировать?

ПАВЛОВ. Про что разговор?

СОЛОВЬЕВ (*читает*). «Екатеринбург. Облсовет. Считать ли прислугу Романовых арестованными, давать ли выезд. Основание 4227, Алапаевский Совдеп». (*Пауза.*) Чего молчишь? Я думал, мы заодно...

ПАВЛОВ. Прислугу отправлять надо. Они-то при чем тут? С остальными дело ясное, а эти лишние тут.

СОЛОВЬЕВ. Я не про это спросил... Мы решаем, чего и как... Мы — власть, Семен. Или ты чего-то другое мозгуешь?

ПАВЛОВ. Не понял, Ефим... Ты чего, против Облсовета попрёшь? Может, и наш Совет тебе не указ?!

СОЛОВЬЕВ. Не буровь, Семен. Мы тут власть, как порешим, так и будет.

ПАВЛОВ. И с нас спрос, ежели чего?! Подумай, Ефим... Не лишку на себя берешь? Что с того, что я про прислугу спросил?

СОЛОВЬЕВ. Ответим, если спросят, не бойсь. Где Облсовет, а где мы, мозгуй! Решать надо со всеми сразу, не тянуть. Слыхал, в Екатеринбурге самосуд народ учинил над царем и семейкой его. И правильно сделали! Чего их кормить, поить? И спрашивать никого не стали, взяли и порешили. А ты тут телеграммы...

ПАВЛОВ. Брехня... И тут у нас, и там охрана — не позволили бы самосуд чинить.

СОЛОВЬЕВ. Подумай, Семен, они — там, а ты тут — с нами. За своих держись, не за тех...

ПАВЛОВ. Странно говоришь, Ефим... «Они», «мы»...

СОЛОВЬЕВ. А ты телеграфируй, мол, комиссар юстиции Соловьев плевал на Облсовет... Давай беги... Ты рассуди, зачем нам их сюда привезли?

ПАВЛОВ. Совету виднее, зачем к нам...

СОЛОВЬЕВ. А я вот так мыслю, если взял власть — держи, пользуйся, не то отнимут... Ладно, зачем про прислугу телеграфировал?

ПАВЛОВ. Они же не по своей воле: за хозяевами поехали.

СОЛОВЬЕВ. Сами они, по воле своей сюда. Дух рабский у них! И не поедут они от хозяев...

ПАВЛОВ. А мы спросим? Пожитки собрали и под винтовки... В вагон посадили, и дело к опроске... Только надо в Екатеринбурге известить, чтобы их у нас на станции приняли и на все четыре стороны... Да, Сергей Романов просит телеграмму в Екатеринбург послать... Мол, свободу ограничили. Лишили выхода в город... На тюремном положении, мол... Мы не преступники, говорит, чтобы нас на таком положении держать...

СОЛОВЬЕВ. И этот туда же, телеграмму! Вот сука какая!

ПАВЛОВ. Это из-за обысков он. Охрана ночью будит и обыскивает, согласно инструкциям.

СОЛОВЬЕВ. Кончать надо с ними... Народ толпами к ним шастает... Есть кто зачастил?

ПАВЛОВ. Машка, дочка Варьки Голошейкиной, каждый день поест им приносит. (Пауза.) Да, вот еще что... Сегодня ночью поймали этого... У которого сына кирпичом задавило.

СОЛОВЬЕВ. Чего там забыл?

ПАВЛОВ. У школы обретался. Сказал, что княгиню ждет... А мы же князей за забор не выпускаем. Вот он и выглядывал...

СОЛОВЬЕВ. Зачем ему княгиня?

ПАВЛОВ. А я знаю? Какой с пьяного спрос? Про сына чего-то плел... Чего с ним, отпустить?

СОЛОВЬЕВ. Пусть у нас пока посидит...

ПАВЛОВ. Он же вроде наш, свой...

СОЛОВЬЕВ. А чем он наш? Чуть случилась беда, и запил. И не наш он уже вроде. И к этим за помощью приперся... Яковлеву и Ремеза ко мне для разговора привези.

ПАВЛОВ. Облсовет еще не ответил...

СОЛОВЬЕВ. А ты не бзди, Семен! Целее будешь! Облсовет — делече, а я — здесь...

ПАВЛОВ. Грозишься, Ефимка?

СОЛОВЬЕВ. Сам мозгуй, Семен, чего да как... Я тебе за себя сказал, взял власть — держи. Вези прислугу. Князьям не объясняй ничего. Пусть их мандраж побьет, глядишь, и жаловаться перестанут.

ПАВЛОВ. Смотри, Ефим, решать — решил, еще и отвечать придется...

СОЛОВЬЕВ. Не пугай, Копысова ко мне приведи.

Павлов встает, уходит. Соловьев закуривает.

СОЛОВЬЕВ. Вот и хорошо... Всё как надо складывается. И Копысов этот запил вовремя... А то, что пьет, еще и лучше. Только вовремя отобрать у него пойло — и озверев, и соображать не будет совсем... *(Пауза.)* Облсоветом тебя пугают, Ефимка! Да... С Павловым надо настороже держаться... Шагу без Совета не ступит... А я не люблю там...

Входит Павлов, вводит Копысова. Рубаха и штаны в грязи, на лице следы побоев. Руки связаны. Мужчина шатается. Павлов пододвигает табурет, усаживает мужчину.

СОЛОВЬЕВ *(мужчине)*. Здорово, Колька. Выпьешь? *(Павлову.)* Семен, дай нам самогону и заесть чего...

Павлов уходит. Соловьев садится на край стола, смотрит на мужчину.

СОЛОВЬЕВ. Пьешь, значит, Колька... А чего пьешь? Зачем? Боль заливаешь? Так оно не поможет, сам знаешь. А репутацию подпортил себе... Как теперь товарищи доверять тебе будут? Ну, чего молчишь? Плохо тебе? Сейчас поправишь здоровье.

Входит Павлов. Ставит на стол бутылку и кружку. Вынимает из кармана картофель, кладет на стол.

ПАВЛОВ. Чего-то надо еще?

СОЛОВЬЕВ. Руки развяжи. Нет, иди, я сам...

Павлов уходит. Соловьев наливает в кружку самогон, ставит напротив Копысова. Улыбается, встает, развязывает руки.

СОЛОВЬЕВ. Давай, Колька... (*Копысов берет кружку, пьет.*) Вот, хорошо. А теперь скажи мне: чего это ты у школы ночью делал? Какой ты такой помощи у княгини просить хотел? А, товарищ?

КОПЫСОВ. А ты один хрен не поймешь, Ефимка!

СОЛОВЬЕВ. А ты, попробуй... Ты выпей и расскажи. Глядишь, и пойму...

КОПЫСОВ. А чего ты такой щедрый? Вину за собой чуешь?

СОЛОВЬЕВ. Я же вижу: плохо тебе. Вот и наливаю. А в чем виноват, не знаю. Может, ты мне скажешь? Нет? Ты пей, пей... (*Наливает, подает кружку.*)

КОПЫСОВ. Значит, нет на тебе вины, если не чуешь... Будь здоров, Ефим. Смотри голову не сверни... А то так буровишь за новой властью... (*Пьет.*)

СОЛОВЬЕВ. А ты за себя переживай. Я свое отбоялся уже.

КОПЫСОВ. Когда, Ефимка? Когда дом управляющего ночью поджег или когда отца Николая со спины застрелил? Или на болотах когда прятался? Тогда отбоялся? Врешь ты всё! Тебе и сейчас страшно! Чего я у школы делал, спрашиваешь? К великой княгине пришел, хотел попросить, чтобы молилась за меня. Грех на мне.

СОЛОВЬЕВ. Ну, пошепчет она перед доской крашеной, поклонов побьет, и чего? Сына не вернуть уже. И с чего ты решил, что ты тут виноват? Вот запил ты — это худо, товарищей бросил своих — тоже худо. И ты в этом виноват! А сына твоего случайно придавило...

КОПЫСОВ. Я их когда на станции увидел, то сразу ее узнал. Она была у нас тут, и школу просила показать, и в соборе была. Я не подошел, хотя народ ее за святую еще тогда считал. Не подошел тогда, сейчас вот хотел. Знак это, Ефимка. Ты не поймешь. Это мне знак! Пусти... Мне разок поговорить с ней, и делай чего хочешь со мной. Хочешь стрелять — стреляй. Только дай увидеться с ней, по-людски сделай. Слышишь меня, Ефим.

Соловьев встает, закуривает. Ходит по комнате.

СОЛОВЬЕВ. Ну, ты проси меня, Колька! Умоляй! Ну, чего замолчал? Гордый, да? Знаешь, зачем я батюшку застрелил? Он мужиков уговаривал в Красную армию не идти. Сволочь, скажи, Колька! Чего ему не жилось? Приход есть, жена есть, народ еду несет. Чего митинговать полез? Его бы другие на штыки подняли или еще чего выдумали бы... А я пожалел, он не мучился даже, сразу помер... (*Пауза.*) Знаешь, в чем разница у нас с тобой?! Ты как сука течная: и тем, и этим... Не можешь решить, Колька, с кем жизнь строить. Вот и всё! Слабый, нет в тебе силы совсем! Чего смотришь? Иди! Не держу! Только ты ко мне сам приползешь, чтобы я тебя к этой допустил. Нету силы в тебе, гниль одна!

КОПЫСОВ. Знаешь, как всё будет, Ефимка? Вот то-то, не знаешь ты! А она знает! Она четыре года тому назад уже знала всё. Просила, чтобы ее из Верхотурья к нам сюда привезли... И школу попросила показать ей. Вот и бойся теперь!

СОЛОВЬЕВ. Иди...

КОПЫСОВ. Говорил же, что не поймешь...

Соловьев встает.

СОЛОВЬЕВ. Беги, пока отпускаю...

КОПЫСОВ. Ты не бойся, Ефимка!

СОЛОВЬЕВ. Сам придешь.

КОПЫСОВ Ты уж, если добрый такой, налей посошок, и я того...

Соловьев молча подает бутылку. Копысов прижимает бутылку к себе, уходит.

Соловьев закуривает.

Сцена 4

Большая комната, в центре стол. На столе самовар и чашки. За столом Сергей Михайлович, Владимир Палей, Иоанн, Игорь, Константин, Федор Ремез. Пьют чай, разговаривают. В проеме открытой двери на табурете сидит Василий, держит в руках винтовку.

СЕРГЕЙ МИХАЙЛОВИЧ (*Василию*). Молодой человек, вы так и будете в дверях сидеть? Идите к столу. Чай просто чудо! На травах, превосходный чай — рекомендую!

ВАСИЛИЙ. Не положено мне... Я тут... Благодарствую...

СЕРГЕЙ МИХАЙЛОВИЧ. Тогда войдите в комнату и прикройте дверь! Господа, рекомендую: красноармеец Василий. Приятный молодой человек, не идейный.

КОНСТАНТИН. Вы боитесь нас или начальство свое, Василий?

ВАСИЛИЙ. Нет... Чего мне... Не страшно вроде...

СЕРГЕЙ МИХАЙЛОВИЧ. Вот и славно... И все же вам налить чаю?

РЕМЕЗ. Сергей Михайлович, я налью и подам. А там уже дело молодого человека: пить или нет.

Наливает чай, подает его Василию.

ИОАНН. Мне сон сегодня тяжелый был... Война, дым желтый, дышать трудно...

ВАСИЛИЙ. Мне тоже все ерунда разная снится...

ИГОРЬ. Мне прошлой ночью неизвестный человек вновь предлагал паспорт, чтобы уехать. Я пытаюсь разглядеть лицо незнакомца — и пустота.

ПАЛЕЙ. А меня все время просят подписать бумагу какую-то, я начинаю читать и букв не могу разобрать, расплываются.

КОНСТАНТИН. Похоже, я один счастливый среди вас: сплю совершенно без снов.

СЕРГЕЙ МИХАЙЛОВИЧ. Почему вы один, Константин Константинович? Я тоже совершенно без снов... То, что могло вызывать интерес раньше, теперь не будоражит с той силой. А новое не так сильно страшит... (*Пауза.*) Правда, был один сон... Вот тот да... Поезд останавливается в поле, я схожу. Лето, жара. Иду по полю, а мне навстречу мужики идут с вилами и косами. Мне не по себе стало... Я остановился, жду, когда подойдут они... Улыбаюсь им...

ИОАНН. А мне дышать нечем от дыма...

СЕРГЕЙ МИХАЙЛОВИЧ. Мужики подошли, и я знаю уже, чего скажут они... «Как нам жить теперь?» Вопрос этот в голове звучит, а они молчат. Я смотрю на них и понимаю, что ничего сделать не могу для них, теперь, сейчас... Совершенно ничего не могу... И слезы от беспомощности этой... Вот тогда страшно стало...

КОНСТАНТИН. На самом деле странно, что мы сны обсуждаем. Словно нет чего-то более важного сейчас...

СЕРГЕЙ МИХАЙЛОВИЧ. Друг мой, а чего же странного тут? Мы стеснены обстоятельствами, наша внешняя свобода ограничена двором школы. Что вы хотите? Сны у нас невозможно отобрать. Василий, скажите, я прав? Что нам остается?

ВАСИЛИЙ. Не знаю я... Чё сказать-то?

ПАЛЕЙ. Вам сны снятся?

ВАСИЛИЙ. Мне? Бывает такое, редко только. А то за день умотаешься так, что не до снов. Головой лавки коснулся, и всё — уже вставать пора.

КОНСТАНТИН. А вы чем занимаетесь, Василий?

ВАСИЛИЙ. С вами вот сижу... Охраняю вроде...

КОНСТАНТИН. Вы работаете, служите?

ВАСИЛИЙ. Я же говорю: вас охраняю...

СЕРГЕЙ МИХАЙЛОВИЧ. Вы чай пейте... Ну, к чему такие вопросы, господа? Человек молодой, еще не определившийся... У меня другой вопрос есть... Что вы думаете по поводу земельного управления?

В комнату входят Павлов и Соловьев.

Василий вскакивает, роняет чашку, хватается винтовку.

ПАВЛОВ (*Василю*). Выйди в коридор и закрой дверь.

Василий выходит.

СЕРГЕЙ МИХАЙЛОВИЧ. Добрый день, господа. Прощу к столу. Ой, простите, товарищ комиссар юстиции, не откажите в любезности чаю испить с нами.

СОЛОВЬЕВ. Спасибо. Я позже зайду. (*Выходит.*)

Павлов мнется в дверях.

КОНСТАНТИН. Товарищ военный комиссар, идите к столу.

Павлов берет табурет, на котором сидел Василий, усаживается рядом с Сергеем Михайловичем. Ремез наливает чай, подает его Павлову.

СЕРГЕЙ МИХАЙЛОВИЧ. Мы тут про сны беседовали до вашего прихода. Потом я хотел обсудить с Василием вопрос земельного управления... У вас есть соображения на этот счет? Не поделитесь? Вы пейте чай, пейте...

ПАВЛОВ. Спасибо. Мы думаем, что разделить нужно поровну. Все трудящиеся равны, и земля у них поровну должна быть...

Комната. В ней две кровати. Стол. На нем цветы. Около стола на табуретах сидят Елизавета Федоровна и Соловьев. Перед Соловьевым бумага, он что-то пишет.

ЕЛИЗАВЕТА ФЕДОРОВНА. Как ваше отчество?

СОЛОВЬЕВ. Кузьмич, а что? Обращайтесь ко мне: товарищ комиссар или товарищ Соловьев.

ЕЛИЗАВЕТА ФЕДОРОВНА. Ефим Кузьмич, я не понимаю, зачем вам это нужно. Но Варвара Яковлева вам ясно дала понять, что не хочет оставлять это место, меня... Она не хочет уезжать. Зачем вы делаете это?

СОЛОВЬЕВ. Вы немка? Как ваше настоящее имя?

ЕЛИЗАВЕТА ФЕДОРОВНА. Какое это имеет отношение к моему вопросу?

СОЛОВЬЕВ. Я попросил вас сообщить свое имя...

ЕЛИЗАВЕТА ФЕДОРОВНА. Елизавета Александра Луиза Алиса Гессен-Дармштадская. В православии — Елизавета Федоровна. Довольно? Ответьте мне, товарищ комиссар, куда и зачем увели сестру Варвару.

СОЛОВЬЕВ. Вам правда важно знать это? Она будет отправлена вместе с Ремезом в Екатеринбург, в ЧК. Им ничего не угрожает. Вы довольны?

ЕЛИЗАВЕТА ФЕДОРОВНА. Почему вы так говорите со мной, Ефим Кузьмич? В чем я виновата перед вами? Что вы хотите?

СОЛОВЬЕВ. Почему вы приняли православие? Вы же немка.

ЕЛИЗАВЕТА ФЕДОРОВНА. Я с самого начала своей жизни в России питала глубокое благоговение к здешней религии... Я всё время думала, и читала, и молилась Богу указать мне правильный путь. И пришла к заключению, что только в этой религии я могу найти всю настоящую и сильную веру в Бога, которую человек должен иметь, чтобы быть хорошим христианином. Вы понимаете, о чем я? Обещайте мне, что перед отправлением дадите попрощаться с сестрой Варварой.

Комната князей.

СЕРГЕЙ МИХАЙЛОВИЧ. Земля бывает разная, господин комиссар, и потому трудно поровну и справедливо разделить ее между всеми трудящимися... Разве нет?

ПАВЛОВ. Мы постараемся, чтобы по справедливости было.

ИОАНН. А как же притча о талантах?

КОНСТАНТИН. Господин комиссар не верует, как я понимаю... Верно?

Комната Елизаветы Федоровны.

СОЛОВЬЕВ. И вы запросто переменили веру? Или прикидывались?

ЕЛИЗАВЕТА ФЕДОРОВНА. Это было бы грехом: оставаться так, как я тогда, — принадлежать к одной церкви по форме и для внешнего мира, а внутри себя молиться и верить так, как мой муж... Знайте, я решилась на этот шаг только по глубокой вере, и я чувствую, что перед Богом я должна предстать с чистым и верующим сердцем.

СОЛОВЬЕВ. Как складно у вас всё выходит...

ЕЛИЗАВЕТА ФЕДОРОВНА. Я сделала свой выбор.

СОЛОВЬЕВ. Вашего мужа взорвали?

ЕЛИЗАВЕТА ФЕДОРОВНА. Это случилось 4 февраля 1905 года. Он был убит бомбой, которую бросил в карету террорист Иван Каляев. Я знала, что моему супругу угрожает смертельная опасность. Меня неоднократно предупреждали в анонимных письмах, чтобы я не сопровождала его.

СОЛОВЬЕВ. Зачем вы были у Каляева в тюрьме?

ЕЛИЗАВЕТА ФЕДОРОВНА. Хотела спросить его, зачем он сделал это...

СОЛОВЬЕВ. Для чего о помиловании просили?

ЕЛИЗАВЕТА ФЕДОРОВНА. Он мог бы стать мужем и отцом, этот больной, напуганный мальчик... Я не хотела, чтобы снова пролилась кровь...

СОЛОВЬЕВ. Он убил вашего мужа. А вы простили?

ЕЛИЗАВЕТА ФЕДОРОВНА. Я просила его покаяться — он не смог, отказался...

Комната князей.

ПАВЛОВ (*великому князю*). По-вашему, мне земли не положено?

СЕРГЕЙ МИХАЙЛОВИЧ. Отчего же? Бери, работай на ней. Сколько возьмешь? Сдается мне: нет у вас особой тяги на земле работать. Или я ошибаюсь? Ну же, скажите!

РЕМЕЗ. Сергей Михайлович, вы не особо распаляйтесь. Чего нервничать?

ПАВЛОВ. Скажу! Я военный комиссар, у меня красноармейцы в подчинении. Мое дело, чтобы они исправно службу несли, были сыты и одеты.

КОНСТАНТИН. Тогда я не пойму, зачем вы обсуждаете вопрос земельного управления.

СЕРГЕЙ МИХАЙЛОВИЧ. Потому что они теперь все должны решать! Сами! От начала и до конца! Мы их не устраиваем, поэтому они сами должны!

ПАВЛОВ. Без меня найдется, кому решить. Ничего, хором решим, не за это переживайте. Мы постановили, что Варвару Яковлеву и Федора Ремеза нужно отправить в Екатеринбург. (*Ремезу.*) Можете идти собираться...

Молчание. Сергей Михайлович встал, закурил. Ходит по комнате.

СЕРГЕЙ МИХАЙЛОВИЧ. Что значит «постановили»? Кто «мы»? На каком основании?

ПАВЛОВ. Яковлева и Ремез, как лица, не имеющие отношение к дому Романовых, должны быть отправлены в Екатеринбург.

РЕМЕЗ (*встал*). Сергей Михайлович, да как же это? На кого я вас оставлю здесь?

ИГОРЬ. А вы их желание спросили?

ПАВЛОВ. Есть постановление, где пропечатано всё...

КОНСТАНТИН. Извольте предъявить...

ПАВЛОВ. Оно у Ефима... У товарища комиссара юстиции... Он и предъявит. Спасибо за чай. Я на воздух пойду, душно тут. (*Пауза.*) Вот видите, господа князья, мы тоже решать можем и решаем. А вы всё думаете, что мы скот какой... (*Встает, уходит.*)

Молчание.

Комната Елизаветы Федоровны.

СОЛОВЬЕВ. Вы и меня готовы простить?

ЕЛИЗАВЕТА ФЕДОРОВНА. Я понимаю, что страна раскромсана на маленькие кусочки... Всё, что было собрано веками, уничтожено и нашим собственным народом...

СОЛОВЬЕВ. Новое создадим, не сомневайтесь.

ЕЛИЗАВЕТА ФЕДОРОВНА. Кто «мы»? Вы морально больны и слепы, чтобы видеть, куда мы идём. Разве я могу критиковать или осуждать человека, который находится в бреду, безумного? Я могу только жалеть его и пытаться найти для него хороших попечителей, которые смогут уберечь его от разгрома всего и от убийства тех, кто встанет на пути его... (*Пауза.*)

СОЛОВЬЕВ. А что вы скажете на обвинение, что вы и ваша сестра Александра — немецкие шпионки?!

ЕЛИЗАВЕТА ФЕДОРОВНА. Это абсурд и ложь!

СОЛОВЬЕВ. А то, что вы якобы все знаете наперед?

ЕЛИЗАВЕТА ФЕДОРОВНА. Господни пути являются тайной, и это поистине великий дар, что мы не можем знать всего будущего, которое уготовано для нас. Простите, я устала. Вы дадите мне возможность увидеться с сестрой Варварой?

СОЛОВЬЕВ. Мы обсудим это. (*Взял бумагу, надел кепку, вышел.*)

В коридоре. Соловьев и Павлов.

СОЛОВЬЕВ. Где Яковлева?

ПАВЛОВ. Увез ее. У нас она, под охраной.

СОЛОВЬЕВ. Что Ремез?

ПАВЛОВ. Тут сложно, Ефим. Сергей Михайлович шум поднял, с тобой говорить хочет.

СОЛОВЬЕВ. Неймется ему. Ну, ничего, я устрою... Ты езжай и с Яковлевой побеседуй. Так, чтобы она сама уехать захотела, а я пока тут поговорю и к вам потом. Надо их гонор поубавить малость. Да, Семен?

ПАВЛОВ. Ты чего Копысова отпустил? Он снова тут был. Наши его помяли чуть, убежал куда-то... (*Пауза.*) Девочка, Машка Голошкекина, к княгине пришла. Пропустить?

СОЛОВЬЕВ. Пусть идет.

Сцена 5

Комната великой княгини. На кровати лежит Елизавета Федоровна. На пороге комнаты стоит девочка. В руках букет полевых цветов и плетеная корзинка, покрытая полотенцем. Девочка проходит, цветы и корзинку ставит на стол, садится на табурет. Рукою касается головы великой княгини.

ЕЛИЗАВЕТА ФЕДОРОВНА. Спасибо, что пришла ко мне, милая. Прости, что лежу. Сейчас станет легче, и поднимусь. Как чудно цветы пахнут! Не забываешь меня, Мария.

МАШЕНЬКА. Матушка Елизавета, мама шанег вам снова напекла. А где матушка Варвара?

ЕЛИЗАВЕТА ФЕДОРОВНА. Что мы рисовать сегодня будем? Она, милая, по делам ушла. Пустили в город ее, скоро вернется. А я встану сейчас.

МАШЕНЬКА. Давай царя рисовать...

ЕЛИЗАВЕТА ФЕДОРОВНА. Почему царя, милая?

МАШЕНЬКА. Я же его не видела никогда. Ты видела царя? Какой он?

ЕЛИЗАВЕТА ФЕДОРОВНА. Он высокий, добрый, сильный.

МАШЕНЬКА. Как дядя Ефим?

ЕЛИЗАВЕТА ФЕДОРОВНА. Нет, дядя Ефим совсем другой.

МАШЕНЬКА. Меня не хотели пускать к тебе, а он разрешил. И шанежки не забрал, а то эти, с ружьями, часто хотят шанежек твоих поесть.

ЕЛИЗАВЕТА ФЕДОРОВНА. Пусть едят...

МАШЕНЬКА. Нет, не пусть! Мамка тебе пекла и матушке Варваре, вот и не пусть! Расскажи мне еще про царя, матушка...

ЕЛИЗАВЕТА ФЕДОРОВНА (*встает.*) Вот я и встала, мой ангел. Ты пришла, и мне хорошо стало. Что тебе рассказать про царя, милая? Он сейчас рядом, в Екатеринбурге. Вместе с женой и детьми. Я каждый день молю Бога, чтобы у них всё было хорошо.

МАШЕНЬКА. А правда, что царица твоя сестра?

ЕЛИЗАВЕТА ФЕДОРОВНА. Да, Алиса — моя младшая сестра. Я очень люблю ее и переживаю, как они теперь.

МАШЕНЬКА. А у меня нет сестры и братика нет. Мамка говорит, что Бог не дал больше... А царь ее любит?

ЕЛИЗАВЕТА ФЕДОРОВНА. Они обожают друг друга... У них большая и любящая семья. Еще совсем недавно все были счастливы...

МАШЕНЬКА. А теперь что?

ЕЛИЗАВЕТА ФЕДОРОВНА. Теперь они живут там, куда их привезли те люди, которые взяли в руки оружие и называют себя большинством.

МАШЕНЬКА. И тебя эти люди к нам привезли? (*Пауза.*) А если бы не привезли, я бы не знала тебя. А ты бы мамкиных шанежек не попробовала.

ЕЛИЗАВЕТА ФЕДОРОВНА. На всё воля Божия...

Комната. Стол под лампой без абажура, вокруг стола стулья. За столом Павлов, что-то пишет. Напротив него на табурете Варвара Яковлева.

ПАВЛОВ. Почему ехать отказываешься?

ВАРВАРА. Мое место здесь, рядом с матушкой.

ПАВЛОВ. Ты не имеешь отношение к Романовым, мы отпускаем тебя и Ремеза.

ВАРВАРА. У меня нет ничего, кроме Бога и ее. Услышьте меня... Была обитель — теперь нету. Я хочу остаться здесь, с ней...

ПАВЛОВ. Понимаешь ты, нет, что здесь всё закончится? Всё! Мы не дадим им уехать отсюда и тебе, если останешься.

ВАРВАРА. Я не знаю, что будет, но у меня нет страха. На всё воля Божья...

ПАВЛОВ. Наша воля, народная! Рабочих и крестьян! Советов! Слышишь ты, нет? Наша воля, наша! Теперь все наше! Нету тут вашего больше! Послушай меня — уезжайте. Народ шибко лютует... Да, к вам приходят, разные... Молятся на вас, исцеления ищут... Только мало их... Надеетесь, что белые придут? Даже если придут, то вас не будет уже...

Комната великой княгини.

МАШЕНЬКА. Матушка Елизавета, ты же насовсем-насовсем у нас останешься?

ЕЛИЗАВЕТА ФЕДОРОВНА. Давай рисовать. Садись ко мне ближе. Какой цвет тебе больше всех нравится?

МАШЕНЬКА. Красный!

ЕЛИЗАВЕТА ФЕДОРОВНА. Почему красный?

МАШЕНЬКА. Он красивый... Яркий, как маки...

Комната Павлова.

ВАРВАРА. Я вам сказала свое решение. Что вы еще от меня хотите? Я на коленях готова просить вас... Разве вам сложно? Если так должно случиться, пусть так будет. Но я не разлучусь с ней...

ПАВЛОВ. Тебе жизнь дарят, а ты противишься... Дурная ты...

ВАРВАРА. Бог дарит, не вы...

ПАВЛОВ. Ты мне эти разговоры оставь, а то не посмотрю, что баба...

ВАРВАРА. Оставьте, я молиться за вас буду...

ПАВЛОВ. На кой мне молитвы твои?

ВАРВАРА. У меня нет ничего ценного, я бы отдала вам... Молиться буду...

ПАВЛОВ. Может, ты кровью подпишешь отказ свой? (*Хохочет, закуривает.*)

Коридор школы. На лавке сидит Соловьев, курит. Перед ним Сергей Михайлович.

СЕРГЕЙ МИХАЙЛОВИЧ. Господин комиссар юстиции, умоляю вас: оставьте Ремеза при мне. Куда сейчас ему? Мы столько лет вместе... Он как родной мне...

СОЛОВЬЕВ. Мы постановили, что лиц, не имеющих отношения к дому Романовых, отправить в Екатеринбург. Там товарищи позаботятся о них, не переживайте.

СЕРГЕЙ МИХАЙЛОВИЧ. Нет, ну что вы говорите такое?! Как можно разлучить нас сейчас? Он не оставит меня, он против отъезда. Вы же слышали, он сказал вам несколько раз. Мы можем подписать всё, что вам нужно. Только отмените ваше решение.

СОЛОВЬЕВ. *Ну, куда гонор твой делся? Чего не язвишь? Ты же думал, что мы блохи какие, что кусают. Ну, чего ты? Выпрямись, как на параде! Ты же так стоял у вагона, приехал когда? (Пауза.)* Вот смотри, князь, как все складывается. Ты в столице жил, почет и уважение имел, серебром с золота кушал. А теперь? Теперь я, Ефимка Соловьев, решаю, чего ты будешь, а чего нет... Вот как вышло... Чего скажешь?

СЕРГЕЙ МИХАЙЛОВИЧ. Стало быть, так Богу угодно...

СОЛОВЬЕВ. Чего? Богу? Нет... Это народ так решил. Терпеть вас устал и поднялся. Вы думали, что мы не сможем, а смогли...

СЕРГЕЙ МИХАЙЛОВИЧ. А дальше сможете?

СОЛОВЬЕВ. Да уж ясно, сможем. Вот только вас всех перестреляем, передушим и сможем. При ваших порядках меня много раз в могилу свести хотели. Не вышло как-то... Но страшно — сам знаю...

СЕРГЕЙ МИХАЙЛОВИЧ. Вам и сейчас страшно — я чувствую...

СОЛОВЬЕВ. Не так ты со мной должен говорить сейчас. Ты же не хочешь, чтобы Ремез твой уехал... Не хочешь. Проси меня, уговаривай. Ну, я жду...

СЕРГЕЙ МИХАЙЛОВИЧ. Что вы хотите доказать мне? Что вы власть? Вы — власть! Что сила вы? Сила! Для вас, в городке Алапаевске, вы власть. А сколько над вами еще? И они власть. Жаль, что вы в Бога не веруете, потому что Он над всеми нами...

СОЛОВЬЕВ. Он? А я вот попа застрелил, и ничего — живой я... Чего не судит он? Власть?

СЕРГЕЙ МИХАЙЛОВИЧ. Пообещайте, что оставите Ремеза при мне...

СОЛОВЬЕВ. Бога своего попроси...

СЕРГЕЙ МИХАЙЛОВИЧ. Прошу вас, товарищ комиссар... Он мне ближе, чем многие...

СОЛОВЬЕВ. На колени...

СЕРГЕЙ МИХАЙЛОВИЧ. Что, простите?

СОЛОВЬЕВ. Что слышал. Хочешь, чтобы холуй твой при тебе остался, на колени...
(Смеется.)

Темнота.

МАШЕНЬКА. Матушка Елизавета, а ты когда маленькой была, как я, чего делала?

ЕЛИЗАВЕТА ФЕДОРОВНА. Однажды мы с мамой вернулись из госпиталя. Мне было грустно оттого, что я не могу помочь тем несчастным, которых мы видели. Я плакала у

себя в комнате весь вечер и ночь. Наутро мама увидела меня и решила, что на меня производят тягостное впечатление поездки к больным. И перестала брать меня в приюты и госпиталя, куда ездила с благотворительными визитами. Я обиделась на нее и сказала в сердцах: «Почему ты не берешь меня с собой? Я уже взрослая и всё понимаю. Вчера я уколола себя булавкой так сильно, что появилась кровь. Но я не испугалась и терпела. Было очень больно. Но я думаю, что боль, которую я сама себе причинила, — совсем не та боль, которую может послать Господь. Я молю Бога, чтобы он послал мне боль, и я смогла доказать тебе и Ему, что выдержу любое испытание...»

МАШЕНЬКА. И чего? Боженька услышал тебя?

ЕЛИЗАВЕТА ФЕДОРОВНА. Да, мой ангел... Потом на моих глазах разбился мой брат Фридрих, ему было три года, он упал с третьего этажа на террасу. Я подбежала к нему, взяла на руки, принесла в дом. Ночью он умер. Потом была эпидемия дифтерии, от которой умерла Мария, ей было четыре... Потом мама, она была все дни рядом, пока мы болели, и заразилась сама. Она выходила нас и ушла...

МАШЕНЬКА. Как ты всё это вынесла, бедная?..

ЕЛИЗАВЕТА ФЕДОРОВНА. Потом убили моего мужа Сергея... Господь не дает больше, чем мы можем вынести...

МАШЕНЬКА. А за что его убили, матушка Елизавета?

ЕЛИЗАВЕТА ФЕДОРОВНА. Как мне сказал этот мальчик, который бросил бомбу, чтобы зла стало меньше...

МАШЕНЬКА. Зло — это цари?

ЕЛИЗАВЕТА ФЕДОРОВНА. Зло — это когда пустота внутри...

МАШЕНЬКА. Хочешь, я тебя защищать буду? Я сильная...

ЕЛИЗАВЕТА ФЕДОРОВНА. Храни тебя Господь!

МАШЕНЬКА. А ты кого лечила в обители своей?

ЕЛИЗАВЕТА ФЕДОРОВНА. А ты откуда про обитель знаешь? Сестра Варвара рассказывала? Всех лечила, кого Господь посылал ко мне...

МАШЕНЬКА. И таких, как дядя Ефим?

ЕЛИЗАВЕТА ФЕДОРОВНА. Он такой же человек, как я и как ты... Как-то ночью в обитель пришли несколько матросов с оружием... Они ругались, кричали, допрашивали, чем я здесь занимаюсь. Я ответила, что служу людям. Тогда главный матрос сказал, чтобы я перевязала ему рану. Я усадила его на стул и, встав на колени, промыла рану. Перебинтовала ее и сказала прийти на перевязку на следующий день, чтобы не случилось гангрены.

МАШЕНЬКА. Они отстали от тебя?

ЕЛИЗАВЕТА ФЕДОРОВНА. На следующий день он снова пришел, матрос этот... И помогать нам стал.

МАШЕНЬКА. Я тоже хочу помогать, как ты, матушка...

ЕЛИЗАВЕТА ФЕДОРОВНА. Поймал человек бабочку, меж ладоней сомкнутых посадил и к прозорливцу пошел. Идет и про себя веселится: «Спрошу, мол, его, какая бабочка в руках моих — мертвая или живая. Скажет, что живая, так я ее в кулаке сожму. Скажет, что мертвая, так я ее и выпущу».

В комнату входит Соловьев, стоит, смотрит.

ЕЛИЗАВЕТА ФЕДОРОВНА. Пришел и говорит: «Всё тебе видно, всё открыто. Скажи, мертвую бабочку я тебе принес или живую?» Посмотрел на него прозорливец и говорит: «Всё в руках твоих!»

СОЛОВЬЕВ. Сказки рассказываете? (*Машеньке.*) Собирайся, пора тебе...

Маша встает, Елизавета Федоровна целует ее. Маша забирает корзину, идет к двери. Елизавета Федоровна крестит ее.

СОЛОВЬЕВ. Я с разговором...

ЕЛИЗАВЕТА ФЕДОРОВНА. Я неважно себя чувствую...

СОЛОВЬЕВ. Я ненадолго...

Елизавета Федоровна трогает цветы. Соловьев садится за стол, достает бумаги, пишет.

СОЛОВЬЕВ. Почему вы не сбежали? У вас целых две возможности было. В сказки верите? Ваша Россия кончилась, уже признайте это.

ЕЛИЗАВЕТА ФЕДОРОВНА. Великой России, увы, больше нет, вы правы. Но Святая Русь не может погибнуть... В Библии Бог показал, что может простить свой раскаявшийся народ и снова даровать ему благословенную силу...

СОЛОВЬЕВ. Хватит уже! Бог, Библия... Наша теперь Россия без всего этого... Вашей уже не будет! (*Записывает.*) Что вы делали здесь в четырнадцатом году? Зачем приезжали?

ЕЛИЗАВЕТА ФЕДОРОВНА. Признайтесь, вас совсем не это сейчас заботит. Вы о другом думаете... Вы о чем-то еще хотите меня спросить?

СОЛОВЬЕВ. Скажите, это вы устроили убийство Распутина?

ЕЛИЗАВЕТА ФЕДОРОВНА. Нет, но думаю, что Феликс, как патриот, решил избавить своего государя и страну от источника бед.

СОЛОВЬЕВ. От простого мужика?

ЕЛИЗАВЕТА ФЕДОРОВНА. И не об этом вы хотели узнать... Вас интересует, знаю ли я как всё закончится? Вот мой ответ: «Всё в руках твоих».

СОЛОВЬЕВ. Ясно теперь, чего к вам толпами народец ходит. Вы им тут сказки... Нам стало известно, что «Союз спасения России» готовит ваше похищение. Поэтому, по решению Совета, мне поручено изъять у вас личные вещи и деньги, золотые и серебряные изделия. Можете оставить при себе носильные вещи, пару обуви и две смены белья.

ЕЛИЗАВЕТА ФЕДОРОВНА. Всё в твоих руках...

Коридор. В коридоре сумрачно, окна забиты досками. К одной из дверей прильнул Василий. У другой двери на табурете Семеныч.

ВАСИЛИЙ. Слышь, Семеныч, комиссар у княгини начал золотишко собирать. Чего молчишь? Вот бы глянуть...

СЕМЕНЫЧ. Мало тебя отец порол, Васька, помер рано. Чего радуешься? Вон чего творится — нам боязно, а им и подавно.

ЕЛИЗАВЕТА ФЕДОРОВНА. Цветов сейчас в полях много. Жаль, самой не увидеть. Спасибо девочке Марии. Каждый день приносит. Не забывает. Вы не запрещайте ей навещать нас, товарищ комиссар.

ВАСИЛИЙ. Ты слышал, что нападут на нас скоро? Я вот жду. Так какого-нибудь гада застрелить хочется. Скорей бы напали. *(Пауза.)* Семеныч, а Копысов-то пьет не просыхая. Я после твоего рассказа про кирпич ходил до него. Спросить хотел: правда, нет.

СОЛОВЬЕВ. Распишитесь здесь, что опись составлена верно и претензий не имеете.

СЕМЕНЫЧ. Вши на тебя нападут. И поделом...

ЕЛИЗАВЕТА ФЕДОРОВНА. Я всё знаю, не беспокойтесь. Просто хочу от вас услышать... Вы, должно быть, много страдали, если решились на такое...

Соловьев собирает бумаги, выходит. Сталкивается с Василием.

Конец первого действия

Второе действие

Сцена 6

Комната. Перед заколоченным окном стоит Елизавета Федоровна. Говорит шепотом.

ЕЛИЗАВЕТА ФЕДОРОВНА. Дражайший Ники... Я никогда не лгала тебе; может быть, я и бывала резка, но всегда откровенна, и мне кажется трусостью умолчать о том, что знаешь и чувствуешь, боясь непонимания или скорбей. Я люблю так преданно, что предупреждаю тебя: все сословия, от низших до высших, и даже те, кто сейчас на войне, дошли до последней черты... Какие еще трагедии могут произойти? Какие страдания нас ждут? *(Пауза.)* Бог не искусством побеждает непогоды, но единым мановением укрощает бурю. Почему не в начале и не вдруг? Это Его обычай — не прекращать несчастий, лишь только наступили они; но пусть возрастут, дойдут до крайности, и большая часть людей станет терять надежду — тогда Он начинает чудодействовать и производить необыкновенные дела, с одной стороны, показывая собственную силу, с другой, упражняя терпение злополучных.

Тюремная камера. Тусклый свет. На лежаке сидит Каляев. Напротив него на табурете сидит Соловьев.

СОЛОВЬЕВ. Ты кто? Почему я здесь? Кто они такие?

КАЛЯЕВ. Тише, не кричите, пожалуйста. Разве вам не интересно? Последний Романов...

СОЛОВЬЕВ. Царь? Почему? Что случилось?

КАЛЯЕВ. Вы разве не желали этого? Что-то не так? Вы не этого ожидали? Все мертвы, зла стало меньше... Или больше... Как вы полагаете?

ЕЛИЗАВЕТА ФЕДОРОВНА. Я поехала в Саров и Дивеево, десять дней молилась за вас, за твою армию, страну, министров, за болящих душой и телом, и имя этого несчастного Григория было в помяннике, чтобы Бог просветил его... Возвращаюсь и узнаю, что Феликс убил Распутина. Мой маленький Феликс, кого я знала ребенком, кто всю жизнь боялся убить живое существо и не хотел становиться военным, чтобы не пролить крови. Я представила, через что он должен был переступить, чтобы совершить этот поступок, и как он, движимый патриотизмом, решил избавиться своего государя и страну от источника бед. Не хочу знать подробности. Говорят, замешаны очень многие, все высланы в разные края, и слава Богу, что это было сделано: преступление остается преступлением. Но это, будучи особого рода, может быть сочтено дуэлью и делом патриотизма, а за такие проступки закон, я думаю, смягчает наказание.

СОЛОВЬЕВ. А мы-то как здесь?

КАЛЯЕВ. Каляев Иван Платонович. Член боевой организации эсеров. Поэт.

СОЛОВЬЕВ. Соловьев Ефим. Комиссар юстиции Алапаевского совета.

КАЛЯЕВ. Комиссар? Юстиции? Простите, как-то неловко это звучит...

СОЛОВЬЕВ. Я в толк не возьму, почему тут...

КАЛЯЕВ. Тише, дайте послушать...

ЕЛИЗАВЕТА ФЕДОРОВНА. Может, ни у кого не достало смелости сказать тебе, что на улицах города и не только там люди целовались, как в пасхальную ночь, в театрах пели гимн, все были захвачены единым порывом — наконец черная стена между нами и нашим государем исчезла, наконец все мы услышим, почувствуем его таким, каков он есть. И волна сострадательной любви к тебе всколыхнула все сердца. Бог даст, ты узнаешь об этой любви и почувствуешь ее, только не упusti этот великий момент, ведь гроза еще не кончилась, и вдалеке раздаются громовые раскаты. О, если б ты знал, как все молятся со слезами и тугой, чтобы Господь просветил тебя.

СОЛОВЬЕВ. Я узнал ее...

КАЛЯЕВ. Она снится вам каждую ночь, я угадал? Не переживайте, она простила, как меня простила за своего мужа.

ЕЛИЗАВЕТА ФЕДОРОВНА. Ники, дорогой, увидь вещи такими, какие они есть. Поверь мне, слабой, ничтожной, смиренной, но верной твоей подданной, что я говорю правду. Пусть преподобный Серафим посетит тебя своим святым словом и поведет к благоденствию твоей страны, церкви и дома. У тебя на сердце, должно быть, так тяжело, несмотря на твою глубокую веру в Бога, наверняка у тебя болит сердце, и, может быть, сомненье в своей правоте уже стучится у дверей твоего сознания — не затворяй их, открой, милый, и ради всеобщего благапусти эту ясную мудрость свыше.

СОЛОВЬЕВ. Так не может быть... Если мы мертвы, почему мы слышим?

КАЛЯЕВ. А что, по-вашему, происходит с человеком со смертью его тела?

СОЛОВЬЕВ. Нет, так не бывает. Заткнитесь! Я не хочу так! Пусть она замолчит! Я тишины хочу! Хватит! Хватит! Уходите все!

КАЛЯЕВ. Ой, а у вас, кажется, нервы сдали?! Слабенький нынче убийца пошел...

СОЛОВЬЕВ. Почему я слышу её? Я не хочу...

КАЛЯЕВ. Мне вас искренне жаль, правда. Вы не предполагали, что так будет, да?

СОЛОВЬЕВ. Чего?

КАЛЯЕВ. За вами уже идут... Всё только начинается, Ефим Андреевич.

Дверь камеры открывается, входит Копысов, одет в форму белого офицера.

Соловьев долго смотрит на него.

СОЛОВЬЕВ. Ты? Я знал, что ты живучий, гнида... С ними теперь?

КОПЫСОВ. А я с вами и не был, Ефим.

СОЛОВЬЕВ. Да как это не был? А церкву кто разобрал? Забыл? Кирпичом тем щенка твоего придавило...

КОПЫСОВ. Пойдем...

СОЛОВЬЕВ. Куда? Я не пойду с тобой... Ты кто?

КОПЫСОВ. Ты не бойся, идем...

СОЛОВЬЕВ. Стрелять будешь? Давай идем. Не боюсь тебя...

КОПЫСОВ. Вот и хорошо. А давай здесь поговорим. Не нужно идти.

КАЛЯЕВ. Сделайте милость, говорите здесь. Мне жутко интересно.

СОЛОВЬЕВ. О чем мне говорить с тобой, Колька? Ты чего, власть почуял? Силу свою показать хочешь? Давай, я знал, что ты гнида продажная. Знал, что в город придут, и успел тут убрать всё...

КОПЫСОВ. Убрать? Ты так называешь всё то, что сделал? Убрались вы?

КАЛЯЕВ. Страшно, нет? Мне вот очень страшно было... Я перед тем, как метнуть бомбу, извелся весь... Не спал несколько суток. Всё представлял, как будет это... Я тогда полагал, что и мне конец наступит... Что не будет продолжения. А оно случилось. Вот и у вас случилось, Ефим Андреевич...

СОЛОВЬЕВ. Чего хочешь, Колька?

Копысов вынимает из папки бумаги и фотографии, раскладывает их на столе перед Соловьевым.

КОПЫСОВ. Вот, Ефим, посмотри, как ты прибрался... Читай вслух. *(Подает Соловьеву бумагу.)*

Соловьев долго смотрит в нее, молчит.

КОПЫСОВ. Читай, Ефим.

СОЛОВЬЕВ (*читает*). «Шахта имела в глубину 28 аршин. Стенки ее были выложены бревнами. В ней было два отделения: рабочее, через которое добывалась руда, и машинное, куда ставились насосы для откачки воды. Оба отделения были завалены множеством старых бревен, занимавших самое разнообразное положение». (*Пауза.*) Нашли, значит... Плохое место выбрали. Я сразу говорил, что найдут...

Каляев берет со стола бумагу, читает.

КАЛЯЕВ. «На различной глубине шахты Мальшиков нашел трупы: 8-го октября Федора Семеновича Ремеза, 9-го — Варвары Яковлевой и князя Палея, 10-го — князей Константина Константиновича, и Игоря Константиновича, и великого князя Сергея Михайловича, 11-го октября великой княгини Елизаветы Федоровны и князя Иоанна Константиновича. Трупы были в одежде. В карманах оказались разные вещи домашнего обихода и их документы, которые они всегда имели при себе в заключении. На груди великой княгини Елизаветы Федоровны была икона Спасителя с драгоценными камнями. По моим сведениям, перед этой иконой молился государь перед отречением от престола и передал ее затем Елизавете Федоровне. На обороте ее надпись: “Вербная Суббота 13 апреля 1891 года”». (*Пауза.*) Вы предупредили их? Нет? Почему? Зачем так? Я вот не смог бросить бомбу, когда увидел в карете ее и детей. А вы смогли? За что вы их так?

СОЛОВЬЕВ. У меня выбора не было. Их надо было стереть, уничтожить. Будто бы их и не было вовсе.

КОПЫСОВ. Думаешь, вышло у тебя, Ефим?

СОЛОВЬЕВ. А ты скажешь, нет? И тебя не узнали, мы тебе так харю прикладами размолотили, что на человека не похож был.

КАЛЯЕВ (*читает*). «В правой височной области по вскрытии кожных покровов наблюдается кровоподтек в мышцах и подкожной клетчатке, занимающий всю височную область. По вскрытии черепной крышки обнаружен кровоподтек под твердую мозговую оболочку в правой же височной области».

СОЛОВЬЕВ. Хватит. Заткнись! Брось это, не читай!

КАЛЯЕВ. «В толще мышц всей передней грудной стенки кровоподтек... В полостях плевры обширное кровоизлияние... В брюшной области по вскрытии кожных покровов, в толще мышц и жировой клетчатке наблюдается кровоподтек, простирающийся на всю переднюю стенку живота...»

КОПЫСОВ. Каляев, на выход.

Копысов идет к двери. Каляев берет икону, заворачивает в тряпку. Уходят.

Соловьев колотит в дверь, кричит. Ходит по камере, ложится на кровать.

Павлов пытается растолкать Соловьева.

СОЛОВЬЕВ. Заберите бумаги. Сожгите их. Я не хочу. (*Садится на кровати.*)

ПАВЛОВ. Ефим, ты чего? Какие бумаги?

СОЛОВЬЕВ. Чего?

ПАВЛОВ. Очнись, Ефим...

СОЛОВЬЕВ. Чего хотел?

ПАВЛОВ. Сам же позвал...

СОЛОВЬЕВ. Погоди, соображу. Голова трещит...

ПАВЛОВ. Нельзя на закате спать...

СОЛОВЬЕВ. Не городи. Ты где был?

ПАВЛОВ. С охраной новой беседовал. Когда всё устроим?

СОЛОВЬЕВ. Шахту расчистили?

ПАВЛОВ. Да, и подводы приготовили уже...

СОЛОВЬЕВ. Копысов где? Надо его в человеческий вид привести — остричь, побрить, переодеть.

ПАВЛОВ. Ты чего, Ефим? Со вчера у нас сидит, воеет — то ли с похмельюги, то ли еще с чего... Поить дальше его? Или чего с ним?

СОЛОВЬЕВ. Иди... Иди, говорю...

Павлов выходит. Соловьев трет виски, стонет.

Сцена 7

Коридор. На лавке сидят Василий и Семеныч, руки связаны. Напротив на табуретах сидят князя Константин, Иоанн, Игорь, Владимир Палей. В руках у Игоря и Константина винтовки.

КОНСТАНТИН. Сколько человек охраны вокруг школы?

ВАСИЛИЙ. Зачем вы? Убежать хотите?

КОНСТАНТИН. Говорите тише...

СЕМЕНЫЧ. Пара человек, остальные куда-то уехали с Павловым.

ВАСИЛИЙ. Не выйдет у вас...

ИОАНН. Что с ними делать будем?

ИГОРЬ. Интересно, куда они уехали...

ПАЛЕЙ. С собой заберем...

ИГОРЬ. Неужели боятся, что нас освободить будут?

ВАСИЛИЙ. Чего будет теперь, Семеныч?

КОНСТАНТИН. Тише говорите... Как нам найти дорогу на Екатеринбург?

СЕМЕНЫЧ. Лошадей нужно, иначе догонят. Можно на болотах затаиться сперва, там скит есть. Да и не будут искать там...

КОНСТАНТИН. Дорогу покажете?

ВАСИЛИЙ. Я не пойду... Мне доверили товарищ Павлов и Соловьев...

ИОАНН. Вы ради них хотите остаться?

ВАСИЛИЙ. Мать у меня... Вам не сбежать... Развяжите, руки затекли сильно.

СЕМЕНЬЧ. Я могу, раз такое дело...

ВАСИЛИЙ. Ты чего, Семеныч? Уйдешь, а жена как?

ИОАНН. У меня жена и дети в Петербурге. А я здесь... Идёте?

ПАЛЕЙ. Обратной дороги не будет...

СЕМЕНЬЧ. Пошли с нами, Васька... Чего тебе тут?

Игорь развязывает руки Семенычу.

КОНСТАНТИН (*Василю*). Встаньте!

ВАСИЛИЙ. Я же по-людски с вами, я же вам ничего... Скажи им, Семеныч...

КОНСТАНТИН. Встать! Вы, верно, не служили...

ВАСИЛИЙ. За царя воевать? Стрелять меня будете? Стреляйте!

СЕМЕНЬЧ. Васька, уймись...

КОНСТАНТИН. Не хотите за царя, воюйте за Отечество. Или вы хотите, чтобы немцы победили? Вы же русский?

ВАСИЛИЙ. Ясно, что не немец... Мужик не хочет воевать...

ИОАНН. А чего хочет мужик? Митинговать и грабить? Встаньте!

Василий встает.

СЕМЕНЬЧ. Вы не слушайте его, он дурной... Молодой, мелет все подряд...

ВАСИЛИЙ. Вы в Екатеринбург к царю собрались?

КОНСТАНТИН. Вас это не касается...

ПАЛЕЙ. Вы идете с нами, или нам придется...

ВАСИЛИЙ. За что? Я же сидел только, охранял...

КОНСТАНТИН. Почему, когда вы говорили про царя, думали, что ему не будет так же, как вам сейчас?

ВАСИЛИЙ. Говорить — говорил, да... Но я не хотел... Я же не убивал никого... Болтал только... Я же так, между делом, не всерьез я... А почему меня? Давайте и Семеныча до кучи! И его стреляйте! Я не хочу один!

Константин передергивает затвор винтовки.

ИОАНН. Вы помолитесь...

ВАСИЛИЙ. Я умел раньше, давно еще...

ИОАНН. Я подскажу. Не бойтесь. Господи Боже наш, еже согреших во дни сем словом, делом и помышлением, яко Благ и Человеколюбец прости ми. Мирен сон и безмятежен даруй ми...

ВАСИЛИЙ. Да пошли вы! Чего измываетесь? Вот я — стреляйте, винтовки у вас. Правду хотите? А я не знаю... Вроде ненавижу вас всех, а не знаю за что... Вроде и жаль вас: такие же люди...

ПАЛЕЙ. Ваше последнее желание...

ВАСИЛИЙ. Дайте Семенычу с княгиней поговорить. Он хотел же за жену просить...

СЕМЕНЬЧ. За себя говори, Васька...

ИОАНН. Идемте, господа...

ВАСИЛИЙ. Куда собрались? Стреляйте...

ПАЛЕЙ. Доброй ночи, господа.

Князья уходят по комнатам.

ИГОРЬ. Если мы письма напишем родным, передадите? Или на словах лучше?

ВАСИЛИЙ. Куда пошли?! Стойте! Мое дело маленькое: сиди охраняй... Нельзя с вами говорить. Наболтаете тут с три короба, а я потом виноват, да?

Константин разряжает винтовку, ставит ее к стене.

ВАСИЛИЙ. Руки развяжите мне...

КОНСТАНТИН. Вы сами можете...

Константин уходит. Долгое молчание.

ВАСИЛИЙ. Куда вы? Чего это они, Семеныч, они же бежать хотели?

СЕМЕНЬЧ. Давай спать...

ВАСИЛИЙ. Ты чего?! Они хотели царя идти освобождать... И ты с ними хотел... А меня стрелять хотели... Развяжи меня...

СЕМЕНЬЧ. Справишься.

ВАСИЛИЙ. Если бы сбежали, нам бы мало не показалось... Еще и винтовки отняли... Противно так, вроде обманули меня. Вот если бы выстрелили, вроде как герой я... А сейчас противно внутри... *(Пауза.)* Спишь уже? Ну давай, обругай меня, что не сплю и тебе на даю. Чего ждешь? *(Пауза.)* Зря ты к ней не пошел. Когда еще получится? Сам же хотел за жену просить... Спи, Семеныч, я покараулю... Чудно как-то все выходит... Я вот про царя болтнул, теперь не рад вовсе. И эти говорят, что зря... И батька мне во сне говорил... Не зря ведь... Может, к комиссару пойти и сказать: мол, всё, не хочу больше? Как вот тут решить? А вы все знающие такие, нет чтоб подсказать... *(Пытается растолкать Семеныча. Смотрит на руки — на них кровь. Василий пятится, вытирает руки о гимнастерку. Мотает головой.)* Я не убивал... Болтал только... Я же так, между

делом, не всерьез я... (*Стучится во все двери. Кричит.*) Господи Боже наш, еже согреших во дни сем словом, делом и помышлением, яко Благ и Человеколюбец прости... Прости... Прости...

Открывается дверь, появляется мужчина в форме — отец Василия. Смотрит на сына.

ВАСИЛИЙ. Я не убивал... Болтал только...

ОТЕЦ. Ты же хотел, чтобы его вместе с тобой застрелили...

ВАСИЛИЙ. Не так всё, я не то хотел... Зачем они так?

ОТЕЦ. Хочешь изменить всё?

ВАСИЛИЙ. Чего будет-то теперь?

ОТЕЦ. А ты чего хочешь?

ВАСИЛИЙ. Жить хочу, папка... У него же жена больная... Он княгиню просить хотел... Чего теперь? Как теперь она будет? Не хотел я... Испугался просто...

ОТЕЦ. А он не побоялся... И они не боятся... Видишь, как всё бывает...

ВАСИЛИЙ. Чего ты тут? Чего вы все учите меня? Я жить хочу! Ясно вам, нет?! Чего теперь? Идите вы все! Не хотел я, чтобы так всё!

ОТЕЦ. А ты отпусти их. Пойди отпусти.

Василий сел на пол, зажал уши ладонями, качается из стороны в сторону.

ВАСИЛИЙ. Я тут ни при чем... Если бы сбежали, нам бы мало не показалось... Еще и винтовки отняли... Стрелять хотели... Ты бы чего сделал? У меня до сих пор холод внутри... Вроде как обманули меня. Обещали дать чего-то и не дали, а я как малец: смотрю и реветь хочется. Обманули... Вот если бы выстрелили, вроде как герой я...

Отец подошел к нему, встал за спиной, руку положил на плечо. Фотография такая — отец и сын. Вспышка. Темнота.

Сцена 8

Комната. В ней две кровати. Стол. На нем цветы. Тускло горит свеча. На кровати лежит Елизавета Федоровна. Около кровати стул. На нем сидит Варвара.

ВАРВАРА. Матушка Елизавета, совсем худо? Может, доктора попросить?

ЕЛИЗАВЕТА ФЕДОРОВНА. Еще Алекс во сне видела, и Ники, и детей. В беседке к чаю накрыто, я их зову, а они по парку гуляют, будто не слышат меня. Вот мне сердце и сжало... Пройдет сейчас... (*Пауза.*) Стол скатертью покрыт, а на ней дыры... (*Садится.*)

ВАРВАРА. Вам бы полежать еще... Придет комиссар — буду просить, чтобы в храм нас отпустили.

ЕЛИЗАВЕТА ФЕДОРОВНА. Он придет скоро...

ВАРВАРА. Я не пушу его к вам... Вы нездоровы, нечего ему тут делать. Снова начнет расспросы свои... Чего он спрашивает? Зачем нас заперли тут, как преступников? Почему в храм не пускают? Спаси и сохрани, Господи...

Комната. Стол под лампой без абажура, вокруг стола стулья. Молча сидят двое в кожаных куртках, курят. На столе поднос, на нем Соловьев жжет бумаги.

ПАВЛОВ. Охрану сменим ближе к ночи, чтобы не переполошить их. Будут одни чекисты.

СОЛОВЬЕВ. Под утро, часа в четыре, нужно красноармейцев поднять... Скажете, что школа захвачена бандой белогвардейцев. Пусть от школы кто-нибудь постреляет для остротки. Можно пару гранат бросить, вернее будет. Народец перепугается так, что даже в чертей поверит...

ПАВЛОВ. Еще раньше выстрелы услышат. Подводы до шахты не так долго идти будут. А ночью восемь выстрелов сложно не услышать...

Комната Елизаветы Федоровны и Варвары.

ЕЛИЗАВЕТА ФЕДОРОВНА. Что-то случилось с Александрой и Ники. Я чувствую... У меня так же сердце болело накануне убийства Сергея Александровича. И сейчас вот...

ВАРВАРА. Всё обойдется, матушка... Я вот думаю, как там обитель наша?.. Как сестры наши?

ЕЛИЗАВЕТА ФЕДОРОВНА. Отец Митрофан как-то рассказал мне сон свой... Видел в траурной рамке мою сестру, императрицу Александру, из краев этой рамки стали прорастать ростки, и белые лилии покрыли изображение.

ВАРВАРА. Спаси и сохрани, Господи... Все обойдется. Я уговорю их отпустить нас в храм, матушка. Отпустят, кто они такие, чтобы удерживать нас?

Комната. За столом Соловьев и Павлов.

СОЛОВЬЕВ. Ты объявления написал?

ПАВЛОВ. «18 июля, утром в 2 часа, банда неизвестных вооруженных людей напала на Напольную школу, где помещались великие князья. Во время перестрелки один бандит убит, и, видимо, есть раненые. Князьям с прислугой удалось бежать в неизвестном направлении. Когда прибыл отряд красноармейцев, бандиты бежали по направлению к лесу. Задержать не удалось. Розыски продолжаются». Нормально вроде...

СОЛОВЬЕВ. Для убедительности нужно Кольку стрельнуть и лицо ему прикладами разбить, чтобы не узнал никто...

ПАВЛОВ. Копысова? Вот для чего ты его держишь...

СОЛОВЬЕВ. Надо, чтобы из наших кто-то раненый был, для убедительности. Малого этого оставить в карауле с чекистами и стрельнуть в него под шумок... Пусть кровь пустят, и как взаправду будет.

ПАВЛОВ. Сделаем...

СОЛОВЬЕВ. Может, их переодеть, перед тем как везти?

ПАВЛОВ. Думаешь, найдут? Пока белые до нас докатятся... Да и кто узнает, что их искать на Нижне-Селимской?

СОЛОВЬЕВ. Нужно еще придумать, чего сказать, куда везем их...

ПАВЛОВ. На завод, чтобы подальше от места боев были... Скажем, что белые наступают, что опасно тут. А что, если откажутся? Там шестеро мужчин. Почти все военные, крепкие.

СОЛОВЬЕВ. Скажи охране, чтобы каждый час обыски делала, не дайте спать им. Чтоб вымотались...

Комната Елизаветы Федоровны и Варвары.

ВАРВАРА. Надо всем собраться и сказать, что мы не преступники... Что они не имеют права запрещать нам... Почему они так, за что? Они же русские... Почему они нас ненавидят?

ЕЛИЗАВЕТА ФЕДОРОВНА. Народ — дитя, он не повинен в происходящем. Он введен в заблуждение врагами России. Хотелось бы понести его страдания, научить его терпению, помочь. Вот что я чувствую... Посиди со мной. Скоро уже...

Комната. За столом Соловьев и Павлов.

СОЛОВЬЕВ. А кто тебе сказал, что мы их стрелять будем?

ПАВЛОВ. Не понял, Ефим... Штыками, что ли, колоть?

СОЛОВЬЕВ. По дороге подводы остановим, скажем, что мост сломан, что пешком дальше... К шахте подведем, обухом по голове — и дело к опроске...

ПАВЛОВ. Ладно, стрелять нельзя, услышат... Так-то на кой?

СОЛОВЬЕВ. Не выползут, не боись... Сверху бревна бросим и землей завалим.

ПАВЛОВ. Не по-людски это...

СОЛОВЬЕВ. Ты же на заседании сам голосовал за их уничтожение. Как до дела дошло, перетрухал?! Всё в руках твоих... Дави или отпускаяй...

ПАВЛОВ. Чего?

СОЛОВЬЕВ. Так... Княгиня сказку одну рассказывала... Мелко всё до этого было! Вот оно — настоящее... Не будет другого такого раза, Семён...

ПАВЛОВ. Не за то я голосовал... По уму, так-то, судить их сперва надо... Народ суда ждет... А потом уже...

СОЛОВЬЕВ. Ты их пожалел или как?! Народ, говоришь... Народ им поклоны бьет, пожрать носит. Думаешь, зачем на Урал Колчак прёт? Царь ему нужен... Романовы... Они как знамя для них... Вот мы и должны знамя это схоронить... Сегодня царя спрятали, завтра мы здесь уберемся... Как думаешь, голубая кровь у них?

Молчание.

СОЛОВЬЕВ. Может, нам двоих «белых» пристрелить у школы? Как думаешь?

ПАВЛОВ. Это ты про кого?

СОЛОВЬЕВ. Ты же понял, Семен... Думаешь, не смогу? А ты проверь!

Молчание.

СОЛОВЬЕВ. Мы вдвоем здесь, никто не слышит... Давай сделаем так, как я говорю, а там — как знаешь. Я без тебя не сдюжу, нужен ты, понимаешь?

ПАВЛОВ. Нынче все устроим?

СОЛОВЬЕВ. Вот это дело... А вдруг их Бог спасёт, они же верят? Если стрельнуть или штыком, там уж наверняка... А так мы вроде надежду даём...

Молчание. Павлов уходит. Соловьев достает из карманов куртки тряпицы. Разложил на столе, развязал. Рассматривает украшения, улыбается.

Комната Елизаветы Федоровны и Варвары.

ЕЛИЗАВЕТА ФЕДОРОВНА. Скоро уже, Варенька. Вот и дождётся меня Сергей, и Алису и Ники увижу... Всех увижу скоро...

ВАРВАРА. А я сразу поняла, как из вагона вышли... Сразу. Туман такой, и тихо было. Помните, матушка? В честь разбойника город назван...

ЕЛИЗАВЕТА ФЕДОРОВНА. Я была здесь четыре года назад. И в школе этой была... Всё совсем другое было тогда...

ВАРВАРА. Я как представила, что уеду отсюда, от вас, так пусто мне сделалось. Словно я умерла там, перед комиссаром этим.

ЕЛИЗАВЕТА ФЕДОРОВНА. У меня было так, пока в тюрьме не побывала у Каляева. Я простила ему... И сейчас прошу... И ты прости...

Сцена 9

Маленькая комната, перегороджена решеткой. На полу лежит человек, мычит в пустоту.

КОПЫСОВ. Прибери меня... Чего медлишь? Видишь, мне паскудно как... Бьет всего — то ли от перепою, то ли со страху... Господи, прости меня, грешного, прибери меня... Мочи нет терпеть... Как его забрал, так и пусто внутри... Никчемный Колька вышел... Не сгодился тебе, да?

ЕЛИЗАВЕТА ФЕДОРОВНА. О пречудный отче Серафиме, великий Саровский чудотворче, всем прибегающим к тебе скоропослушный помощниче! Во дни земнаго жития твоего никтоже от тебе тощ и неутешен отыде, но всем в сладость бысть видение лика твоего и благоуветливый глас

словес твоих. К сим же и дар исцелений, дар прозрения, дар немощных душ врачевания обилен в тебе явися.

КОПЫСОВ. Молчишь... Если не забираешь, сил дай, чтобы стерпеть все ...

ЕЛИЗАВЕТА ФЕДОРОВНА. Егда же призва тя Бог от земных трудов к небесному упокоению, николиже любы твоя преста от нас, и невозможно есть исчислити чудеса твоя, умножившаяся, яко звезды небесныя: се бо по всем концем земли нашае людем Божиим являешия и даруеши им исцеления. Тем же и мы вопием ти: о претихий и кроткий угодниче Божий, дерзновенный к Нему молитвенниче, николиже призывающия тя отривай!

КОПЫСОВ. Господи, не остави меня грешного...

ЕЛИЗАВЕТА ФЕДОРОВНА. Вознеси о нас благомошную твою молитву ко Господу сил, да дарует нам вся благопотребная в жизни сей и вся к душевному спасению полезная, да оградит нас от падений греховных и истинному покаянию да научит нас, во еже беспреткновенно внити нам в вечное Небесное Царство, идеже ты ныне в незаходимей сияеши славе, и тамо воспевати со всеми святыми Живоначальную Троицу во веки веков. Аминь.

ИОАНН. Господи, не лиши мене небесных Твоих благ. Господи, избави мя вечных мук. Господи, умом ли или помышлением, словом или делом согреших, прости мя. Господи, избави мя всякаго неведения и забвения, и малодушия, и окамененнаго нечувствия.

СЕРГЕЙ МИХАЙЛОВИЧ. Господи, избави мя от всякаго искушения. Господи, просвети мое сердце, еже помрачи лукавое похотение. Господи, аз яко человек согреших, Ты же яко Бог щедр, помилуй мя, видя немощь души моя.

КОНСТАНТИН. Господи, последи благодать Твою в помощь мне, да прославлю имя Твое святое. Господи Иисусе Христе, напиши мя раба Твоего в книзе животней и даруй ми конец благий.

ИГОРЬ. Господи, Боже мой, аще и ничтоже благо сотворих пред Тобою, но даждь ми по благодати Твоей положити начало благое.

ПАЛЕЙ. Господи, окропи в сердце моем росу благодати Твоея.

РЕМЕЗ. Господи небесе и земли, помяни мя грешнаго раба Твоего, студнаго и нечистаго, во Царствии Твоем. Аминь.

ВАРВАРА. Господи, в покаянии приими мя. Господи, не остави мене. Господи, не введи мене в напасть. Господи, даждь ми мысль благу.

ЕЛИЗАВЕТА ФЕДОРОВНА. Господи, даждь ми слезы и память смертную, и умиление. Господи, даждь ми помысл исповедания грехов моих. Господи, даждь ми смирение, целомудрие и послушание.

ПАЛЕЙ. Господи, только твоей помощью мне хватило сил снести это унижение. Благодарю тебя, Господи! Я не отказался от отца своего в обмен на свободу свою! Господи, даждь ми терпение, великодушие и кротость.

СЕРГЕЙ МИХАЙЛОВИЧ. Господи, всели в мя корень благих, страх Твой в сердце мое. Неужели те, кто бескорыстно создал революцию, кто, следовательно, таил в душе блаженные и светлые идеалы, надеясь на возможность осуществления этих идеалов, неужели эти русские люди не чувствуют, сколько страшен и ужасен переживаемый Россией кризис? Творимое вырвалось из рук творителей. Всей России грозит позор и проклятие... Помилуй, Господи...

ИОАНН. Спи в колыбели нарядной, весь в кружевах и шелку, спи, мой сынок ненаглядный, в теплом своем уголку!... В тихом безмолвии ночи с образа, в грусти

святой, Божией Матери очи кротко следят за тобой. Сколько участия во взоре этих печальных очей! словно им ведомо горе будущей жизни твоей.

ИГОРЬ. Господи, благодарю тебя, что дал мне сил не убежать, не поддаться искушению, не взять паспорт тогда в Екатеринбурге. Благодарю тебя, Господи...

РЕМЕЗ. Господи, сподоби мя любить Тя от всея души моя и помышления и творити во всем волю Твою.

КОНСТАНТИН. Господи, покрый мя от человек некоторых, и бесов, и страстей, и от всякия иныя неподобныя вещи.

ПАЛЕЙ. Господи, неужели наши потомки увидят в событиях этих одну лишь удручающую картину? Одну лишь кучку людей, вырывающих друг у друга право на катание на моторах, в то время как страна голодает, а армия целуется с врагом.

ЕЛИЗАВЕТА ФЕДОРОВНА. Господи, веси, яко твориши, якоже Ты волиши, да будет воля Твоя и во мне грешнем, яко благословен еси во веки. Аминь.

Сцена 10

Коридор. На полу лежит сваленная в кучу одежда. Павлов подходит к Василию, забирает у него винтовку, разряжает ее.

ПАВЛОВ. Всё, выходи на улицу. Кончилось твое дежурство...

ВАСИЛИЙ. А чего ночью? Вроде с утра сменить должны?

ПАВЛОВ. Иди, не спрашивай...

ВАСИЛИЙ. Белые наступают? Я так и думал, что придут они...

ПАВЛОВ. Заткнись, сука!

ВАСИЛИЙ. А винтовку потом отдадите?

ПАВЛОВ. Пошел вон, говорю.

Комната Елизаветы Федоровны. Варвара собирает вещи, Елизавета Федоровна сидит на кровати, напротив на табурете сидит Соловьев.

СОЛОВЬЕВ. Яковлева, оставь нас...

Варвара смотрит на Елизавету Федоровну, выходит.

ЕЛИЗАВЕТА ФЕДОРОВНА. Это хорошо, что вы захотели поговорить, я ждала вас.

СОЛОВЬЕВ. Белогвардейцы рядом с городом. Мы отвезем вас в безопасное место. Подводы уже у школы. Лучше, если вы сами скажете об этом остальным...

ЕЛИЗАВЕТА ФЕДОРОВНА. Вы, наверное, много страдали? Вам только это от меня нужно?

СОЛОВЬЕВ. Я не на исповеди, а вы не поп... Вы скажете остальным?

ЕЛИЗАВЕТА ФЕДОРОВНА. Я прощаю вас...

В коридоре. Варвара плачет, рядом стоит Павлов.

ПАВЛОВ. Что, пожалела уже, что осталась? Я говорил тебе... Всё, поздно теперь. Не ной, нам паника не нужна нынче. Слышишь, нет?

СОЛОВЬЕВ. На что надеетесь, на него? Так его нет... Хотя сейчас признайте...

ЕЛИЗАВЕТА ФЕДОРОВНА. Я всегда с тобою, с любовью смотрю на тебя и сохраню тебя, чтобы ты не лишился Моей Благодати, милости и даров благодатных.

ВАРВАРА. Всё Мое — твое: Мое небо, Ангелы, а еще больше Единородный Сын Мой, твой есмь и Сам Я, есмь твой и буду твой, как обещался Я верному Аврааму.

ПАВЛОВ. Чего ты бормочешь там? Сказали молчать — вот и молчи.

СОЛОВЬЕВ. Ненавижу... Что за порода такая — всё время как на параде? Хорохоримся, лицо как на портрет...

ЕЛИЗАВЕТА ФЕДОРОВНА. Я твой щит, награда моя велика вечно на веки веков. Господь мой, ведь Ты мой, истинно мой...

СОЛОВЬЕВ. Я убил его, бога вашего, тут вот в себе... И потом много кого убил...

ЕЛИЗАВЕТА ФЕДОРОВНА. Прости им, Господи, ибо не ведают, что творят...

Елизавета Федоровна встаёт, идёт к выходу, следом Соловьев.

В коридоре около стены стоят Сергей Михайлович, Варвара, Иоанн, Игорь, Константин, Палей, Ремез и Варвара.

ЕЛИЗАВЕТА ФЕДОРОВНА. Скоро здесь будет небезопасно, и поэтому нас перевозят в другое место. Простите меня ради Христа. Нужно ехать.

СОЛОВЬЕВ. Мы привезли одежду. Переодевайтесь.

Все молча смотрят на кучу с одеждой. Темнота.

Эпилог

Железнодорожная станция. Раннее утро. Туман. У единственного вагона стоят восемь человек — две женщины и шестеро мужчин.

Перед ними стоят мужчины в нательном белье, босые. Между двумя этими группами, прямо на земле, сидит мужчина, качается из стороны в сторону.

ЕЛИЗАВЕТА ФЕДОРОВНА. Кажется, только вчера прибыли на станцию эту. Снова утро. Туман. Всё стерто, все грани. Царица Небесная, не остави нас...

СОЛОВЬЕВ. *Это было уже... Они стояли у вагона, а я смотрел на них. Почему я снова здесь? Почему в исподнем? (Огляделся.) Будто казни ждем... (Пауза.) Нет, не бывает так... Мертвые они! Чего меня колотит, как с перепоею? Только бы голос не дрожал...* Куда-то отъезжаете, граждане князья? Тут ваша конечная — Алапаевские дачи!

СЕРГЕЙ МИХАЙЛОВИЧ. *Злится, лицо перекошенное. Словно сейчас стрелять будет.* Господин комиссар юстиции, а где куртка и кепка ваша? Где наган, из которого вы в меня со спины? Где гранаты ваши, неужто закончились? Чего вы в исподнем, а? Холодно, комиссар? Или вас от злости так трясет?

СОЛОВЬЕВ. *Не может так быть, что живы они?* Вы, товарищи великие, не поняли. Я же вам говорил, что здесь всё кончилось. Так оно и случилось. Нету вас! И Николая с семьей нету! А то, что в исподнем тут стою, с этим разберемся.

РЕМЕЗ. *Сергей Михайлович, голубчик, чего нам задерживаться тут?* Чего спорить?

КОПЫСОВ. Восемь их. Я дважды пересчитал, ровно восемь. Жалко, сыночка, что не узнаешь меня, видишь, как лицо мне расколотили...

ВАРВАРА. *Города нет, только мы и они. Царица Небесная, не остави нас.*

КОНСТАНТИН. Мы уедем скоро, не бойтесь! А там, у шахты, не страшно было? Гранатами и шашками серными...

ПАВЛОВ. *Надо было отказаться тогда... Пусть бы арестовали свои.*

ИОАНН. *Никто не знает, что будет. Ни мы, ни они... Туман...*

ПАВЛОВ. *Кто видеть мог? Кто нашёл их? Неужто выжили... Да нет, не может такого быть...*

ПАЛЕЙ. Странно, да? Я про выбор сейчас говорю. Странная штука — выбор. Вы мне предлагали от отца отречься и в живых остаться. Я выбрал — и меня убили. А сейчас вы не понимаете, кто жив. Странно, да?

СОЛОВЬЕВ. *Не надо на них смотреть... Не смотри... Не говори с ними...*

ЕЛИЗАВЕТА ФЕДОРОВНА. Это хорошо, что вы здесь... Вы о чём-то хотели спросить меня... Тогда я спрошу... Разве изменилось что-то, оттого что нас нет? Кому-то от этого легче стало?

СОЛОВЬЕВ. *Не говори... Молчи...*

ИГОРЬ. *Господи, зачем? Зачем мы до сих пор здесь? Зачем эти люди стоят тут?*

СЕРГЕЙ МИХАЙЛОВИЧ. *Молчит пролетариат.* Господин комиссар, вы у нас вещи и деньги на хранение принимали, помните? Все ради денег? Разве не идейный вы? Поправьте меня, если я ошибаюсь...

СОЛОВЬЕВ. *Молчи, Ефим... (Пауза.)* Я знаю, ради чего... Не понять вам... Вас поищут и перестанут. А потом и забудут вовсе. А я и дети мои жить будем, и меня добром помянут.

ЕЛИЗАВЕТА ФЕДОРОВНА. Вы не поняли ничего... Вы приходили ко мне практически каждый день, задавали вопросы, пытались узнать чего-то. Мне жаль...

СОЛОВЬЕВ. Себя жалейте... Мы ж вас всех, как есть, серпом под корень...

ЕЛИЗАВЕТА ФЕДОРОВНА. Тем страшнее вам сейчас видеть нас...

КОПЫСОВ. Чего, Ефимка, не вышло у тебя верх взять над ними?

Около вагона появляется Машенька. В руках цветы. Прижалась к Елизавете Федоровне.

МАШЕНЬКА. Матушка Елизавета, я у тебя спросить хотела: а ты сразу стала монашкой? Я вот не хочу пока монашкой быть.

ЕЛИЗАВЕТА ФЕДОРОВНА. Нет, мой ангел, конечно, не сразу. Сначала я была такой же маленькой девочкой, как ты. Я жила далеко-далеко.

МАШЕНЬКА. В Екатеринбурге, да? Я там не была никогда. У нас папка, пока живой был, ездил туда на ярмарку, гостинцы привозил.

ЕЛИЗАВЕТА ФЕДОРОВНА. Нет, милая, я жила в другой стране. Там говорят на другом языке, там все другое.

МАШЕНЬКА. Всё-превсё?

ЕЛИЗАВЕТА ФЕДОРОВНА. Небо такое же, солнце, вода такая же, цветы немного другие. Хочешь, мы порисуем с тобой сейчас?

Бежит мальчик, размахивает газетой. Кричит.

МАЛЬЧИК. Покупайте газету! Свежие новости! В Алапаевске белогвардейцы на ероплане похитили великих князей.

КОПЫСОВ. Мальчик, постой. Что ты сказал? Это ты, сынок?

МАЛЬЧИК. Дяденька, ты газету брать будешь? У меня без тебя дел много... Бери, да я побегу дальше.

КОПЫСОВ. Сынка, не узнал меня? Это же я...

МАЛЬЧИК. Ладно, дядька, бери так...

СОЛОВЬЕВ. Это получается, что они живые, а мы нет? Так? Павлов, чего молчишь?

ПАВЛОВ (*взял газету, читает*). «28 сентября 1918 года в город вступили части 15-го Курганского Сибирского стрелкового полка под командованием полковника И.С. Смолина. В Алапаевске была создана Временная Военно-Следственная Комиссия, председателем комиссии был назначен прапорщик М. Ляховский».

МАЛЬЧИК. Свежие новости! В Алапаевске белогвардейцы на ероплане похитили великих князей. Свежая газета.

СОЛОВЬЕВ. Они живые? Павлов, скажи мне, почему так?

КОПЫСОВ. Вот, Ефимка... Ты сам не понял, что помог мне... Вот он, сынок мой.

ПАВЛОВ. Мальчик, дай мне газету. (*Берет газету, читает*.) «Следователем по делу убийства князей Дома Романовых был назначен член Екатеринбургского Окружного Суда И.А. Сергеев. Старшим милиционером Т. Мальшиковым было обнаружено место злодеяния — каменноугольная Нижне-Селимская шахта. С 7 по 11 октября на поверхность были подняты все тела мучеников».

СОЛОВЬЕВ. Куда они ехать собрались, Павлов? Брось газету, слышишь?

КОПЫСОВ. Сын, ты куда?!

МАЛЬЧИК. Свежая газета! Великих князей украли на ероплане!

ИОАНН (*читает*). «Тело великой княгини Елизаветы Федоровны было поднято 11 октября. Медицинскую экспертизу проводили в здании катаверной, находившейся рядом с

Екатерининской церковью. Экспертиза установила причину мученической кончины Романовых».

ПАВЛОВ «18 октября тела были перенесены в Екатерининскую церковь, где была отслужена заупокойная всенощная».

СОЛОВЬЕВ. *Заткнитесь все...* Павлов, на кой ляд читаешь это?

ВАРВАРА. Утром 19 октября из Свято-Троицкого собора пришли крестным ходом в кладбищенскую церковь, где отслужили панихиду, и с пением «Святый Боже» гробы понесли в собор, где была совершена заупокойная литургия, а после таковой отпевание мученически пострадавших августейших страстотерпцев.

СОЛОВЬЕВ (*зажал уши ладонями*). Нет... Нет... Так не может быть...

К Соловьеву подходит Каляев. Смотрит. Улыбается.

КАЛЯЕВ. Говорите, не может так быть? Я так же думал... Знаете, что я хотел обсудить с вами... Вы только правильно поймите меня... Мы с вами в некотором роде родство имеем. Мы же семью с вами уничтожили, мужа и жену. Так вот, я хотел обсудить...

СОЛОВЬЕВ. *Нет... Нет... Так не может быть...*

СЕРГЕЙ МИХАЙЛОВИЧ. После отпевания народ прощался с мучениками, а после прощания гробы были взяты на руки и перенесены в каменный склеп по правую сторону алтаря собора, где были поставлены, и вход в склеп заложен кирпичом.

КАЛЯЕВ. Вы думаете, это мы так решили, чтобы убить их? Скажите! Неужели вы до сих пор не поняли ничего?! Ну?! Меня это больше всего возмущало после того, как я убил. Я-то думал, что это я сделал, что это была моя воля...

СОЛОВЬЕВ. *Чего им от меня надо? Чтобы вещи отдал, которые на хранение принял? Вот они... (Вынул из-за пазухи сверток.) Вот... Тут всё... Надо вам — забирайте...*

КАЛЯЕВ. Нет, мы с вами только орудие, но не сила. Сила другая, другого порядка, понимаете? Пешки, мы с вами пешки... Нас обманули... Нет, мы сами обманули себя... И уже не переиграть, понимаете? Не мы это сделали...

Соловьев со свертком в руках ходит между людьми. Пытается заговорить, но его не слышат.

РЕМЕЗ. Игумен Серафим (Кузнецов), сопровождавший тела Алапаевских мучеников через Сибирь в Китай и далее во Святую Землю Иерусалим, в своих воспоминаниях указал на то, что заупокойную службу служили собором духовенства в числе 13 протоиереев и священников.

СОЛОВЬЕВ. Возьмите, вот часы ваши...

КАЛЯЕВ. Так вот, вопрос мой может показаться вам философским... Но всё же как вы думаете: жертвы и палачи связаны свыше? Есть в этом промысел?

МАШЕНЬКА. А не умею рисовать пока... Учи меня, матушка...

ЕЛИЗАВЕТА ФЕДОРОВНА. Главное — не бояться.

МАШЕНЬКА. Мне не страшно рядом, матушка...

КОНСТАНТИН. При отступлении Белой армии на восток Алапаевск был оставлен без боя, но при этом было принято решение вывезти тела Алапаевских мучеников с отступавшими частями по железной дороге в Сибирь.

СОЛОВЬЕВ. Возьмите, это ваше, кажется...

КАЛЯЕВ. Я много размышлял по этому поводу... Я вот считаю, что если бы не бросил тогда бомбу, то великий князь не стал бы мучеником. Предположим, дожил он до старости, умер от болезней. А тут я с бомбой... Вот так я думал, а оказалось, что не я это сделал...

СОЛОВЬЕВ. Уйди, слышишь...

КАЛЯЕВ. Спохватились... Смешно, право... Теперь это навсегда, поверьте мне...

СОЛОВЬЕВ. Вот, я всё в целости и сохранности сберег. Возьмите.

КАЛЯЕВ. У вас теперь довольно времени, чтобы понять всё... Жаль, что вы не веруете...

МАШЕНЬКА. Матушка Елизавета, а мама говорит, что ты доктор. Что ты всех людей лечишь. Меня можешь полечить?

ЕЛИЗАВЕТА ФЕДОРОВНА. Разве у тебя болит что-то?

МАШЕНЬКА. Да, вот тут маленько. *(Показывает босую пятку.)* Наступила, наверное, на что-то, пока к вам бежала. Подуй. *(Подставляет пятку.)*

ЕЛИЗАВЕТА ФЕДОРОВНА. Прошло? Не болит уже?

КОПЫСОВ. Сын, иди ко мне... Не бойся...

Мальчик подошёл к Копысову. Гладит по голове, но не касается ее.

СОЛОВЬЕВ. *Чего же вам нужно тогда, если вещи не нужны?*

КАЛЯЕВ. Вот вы, кажется, приблизились к сути вопроса. Вы полагали, что если у человека отнять всё, саму жизнь отнять, то он уничтожен уже. Теперь видите, как вышло... У человека вера его останется, если верит он... А у вас, кажется, нет ничего...

СОЛОВЬЕВ. *Заткнись, не мешай мне...*

СЕРГЕЙ МИХАЙЛОВИЧ. 15-го января 1921 года гробы прибыли в Иерусалим. Спустя два дня состоялось их торжественное погребение в крипте Русской церкви Святой Марии Магдалины в Гефсимании.

ВАРВАРА. На одном из гробов было начертано: «Елизавета Александра Луиза Алиса Принцесса Гессен-Дармштатская, в Православии Елизавета Федоровна Романова. Великая княгиня. Родилась 20 октября 1864 года в городе Дармштадте близ Франкфурта-на-Майне в земле Гессен. Убита 18 июля 1918 года близ заштатного города Алапаевск Верхотурского уезда Пермской губернии, в урочище Верхняя Синячиха».

МАШЕНЬКА. Не-а, не болит уже, матушка. А когда всё у всех хорошо будет?

ЕЛИЗАВЕТА ФЕДОРОВНА. Не знаю...

МАШЕНЬКА. Через сто лет? Когда все войны кончатся?

ЕЛИЗАВЕТА ФЕДОРОВНА. Когда-нибудь будет, Машенька.

МАШЕНЬКА. А ты у нас навсегда-навсегда останешься? *(Елизавета Федоровна кивает.)* Пойдем, я тебе одно поле цветов покажу, про него никто-никто, кроме меня, не знает. Если захочешь, я его даже подарю тебе. Хочешь? Только идти далеко-далеко придется.

Смотри, если устанешь, сразу говори. А еще мамка говорит, что ты на ероплане улетела на небо. Догоняй, а то я бойкая, убегу вперед тебя.

Машенька бежит по полю цветов. Рядом бежит мальчик, размахивает газетой.

ЕЛИЗАВЕТА ФЕДОРОВНА (*крестит девочку и мальчика*). Лети, мой ангел... (*Поет.*)
Иже Херувимы тайно образующе и Животворящей Троице Трисвятую песнь припевающе,
всякое ныне житейское отложим попечение. Яко да Царя всех
подыдем, ангельскими невидимо дориносима чинми. Аллилуиа, аллилуиа, аллилуиа.

Конец